Незнакомец в зеркале

Автор:
Сидни Шелдон

Незнакомец в зеркале

Сидни Шелдон

Встретить свою настоящую любовь…

Найти женщину, готовую спасти тебя от смерти…

Какой мужчина не мечтает об этом!

И похоже, самому известному американскому комику Тоби Темплу это удалось!

Но… можно ли доверять этой женщине?

Она явно что-то скрывает и готова пойти на все, лишь бы ее тайна так
и осталась нераскрытой…

Еще шаг – и жизнь Тоби окажется под угрозой. Но сможет ли он остановиться?..

Сидни Шелдон

Незнакомец в зеркале

Sidney Sheldon

A STRANGER IN THE MIRROR

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership
и литературных агентств Morton L. Janklow Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1976

© Перевод. Т. А. Перцева, 1999

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

К читателю

Искусство смешить других – несомненно, чудесный дар богов. Автор с любовью и от всей души посвящает эту книгу комедиантам, мужчинам и женщинам, обладающим этим даром и разделяющим его со зрителями, и особенно одному из них – крестному отцу моей дочери – Граучо.

С. Шелдон

Если стремишься познать себя, не в зеркало гляди, ибо не увидишь там ничего, кроме тени…

Незнакомца…

Силений. Оды правде.

Пролог

Эти странные, необъяснимые события произошли однажды в субботу, прохладным ноябрьским утром 1969 года на пассажирском лайнере «Бретань» водоизмещением пятьдесят пять тысяч тонн, готовящемся отплыть из нью-йоркского порта в Гавр.

Клод Дессар, заведующий хозяйственной частью «Бретани», аккуратный, педантичный человек, управлял подчиненными, как он сам любил выражаться, «железной рукой». За все пятнадцать лет службы на корабле он сталкивался со многими сложными ситуациями, которые и улаживал без излишнего шума и суматохи. Если учесть, что «Бретань» была французским судном, это действительно считалось огромным достижением, и начальство высоко ценило способности Дессара. Однако именно в этот день словно тысяча дьяволов объединилась против него. Для галльской гордости Дессара послужило малым утешением то обстоятельство, что даже совместная американо-французская бригада Интерпола и судовая служба безопасности так и не смогли найти хоть сколько-нибудь разумного объяснения невероятным происшествиям того дня.

Лица, ставшие участниками этих событий, были настолько известны, что газеты всего мира кричали о невероятной трагедии, но тайна так и осталась нераскрытой.

Что касается Клода Дессара, то он мирно удалился на покой и стал владельцем бистро в Ницце, где часто рассказывал любопытным клиентам о том зловещем ноябрьском дне.

Как вспоминал Клод, все началось с доставки цветов от президента Соединенных Штатов.

За час до отплытия черный лимузин с правительственными номерами подкатил к причалу реки Гудзон. Из машины вылез мужчина в костюме цвета маренго. Он держал в руках три дюжины роз сорта «Стерлинг силвер». Мужчина подошел к сходням и обменялся несколькими словами с Аленом Сэффордом, вахтенным офицером «Бретани». Цветы были торжественно переданы Жанену, младшему

палубному офицеру, который и доставил их по назначению, а потом отправился на розыски Клода Дессара.

– Я решил, что вам следует знать об этом, – доложил Жанен. – Только что прибыли розы для мадам Темпл. От президента!

Джилл Темпл. За последний год ее фото постоянно появлялось на обложках журналов и во всех газетах от Нью-Йорка до Бангкока и от Парижа до Ленинграда.

Клод припомнил, что она занимала далеко не последнее место в опубликованном недавно списке наиболее почитаемых женщин мира. Американцы всегда стремились поднять какую-либо соотечественницу на пьедестал, и Джилл Темпл стала одной из таких героинь. Множество новорожденных девочек были названы в ее честь. Ее мужество и одержанная с неимоверным трудом победа, которая в итоге обернулась трагическим поражением, поразили воображение всего мира.

История великой искренней любви… помимо истинного чувства, содержащая все элементы классической драмы и трагедии.

Клод Дессар не очень-то жаловал американцев, но в этом случае рад был сделать исключение. Редко кем он так восхищался, как мадам Темпл. Она… и тут Дессар наградил ее высшим комплиментом, на который был способен. Она – поистине благородная женщина. Уж он позаботится о том, чтобы путешествие запомнилось ей на всю жизнь!

Заведующий хозяйством отвлекся от приятных мыслей о Джилл Темпл и вновь занялся проверкой списка пассажиров. Обычный набор – все те, которых американцы обычно именуют ВИП – очень важная персона[1 - От англ. Very Important Person. – Примеч. ред.]. Дессар ненавидел эту аббревиатуру особенно потому, что американцы имели совершенно варварские критерии оценки того или иного человека. Отметив, что жена богатого предпринимателя путешествует одна, он понимающе ухмыльнулся, поискал в списке имя Мэтта Эллиса, знаменитого чернокожего футболиста, и, обнаружив его, удовлетворенно кивнул.

Дессар не преминул также обратить внимание на то, что известный сенатор и Карлина Росса, латиноамериканская звезда стриптиза, чьи имена несколько раз появлялись рядом в газетных статьях, занимали соседние каюты.

Взгляд Дессара скользнул ниже. Дэвид Кеньон. Деньги. Огромное богатство. Он уже путешествовал на «Бретани». Дессар хорошо помнил Кеньона, высокого, красивого, загорелого мужчину со стройным тренированным телом атлета. Спокойный и немногословный, но обладает свойством внушать уважение окружающим. Клод поставил около его фамилии пометку «СК», что означало «стол капитана» – этот пассажир удостоился чести обедать с самим капитаном.

Клифтон Лоренс. Каюта зарезервирована чуть ли не перед самым отплытием. Дессар слегка нахмурился. Весьма деликатная проблема: что делать с месье Лоренсом?

В прежние времена никаких вопросов не возникло бы – этого человека немедленно усадили бы за стол капитана, где он, как всегда, развлекал бы всю компанию забавными анекдотами. Клифтон Лоренс – агент, представлявший когда-то множество самых великих звезд на театральном небосклоне. Но увы, теперь это в прошлом… Раньше месье Лоренс всегда занимал один из самых роскошных люксов, а на этот рейс забронировал одноместную каюту на нижней палубе: первый класс, конечно, но… И Клод Дессар решил воздержаться от каких-либо выводов, пока не дойдет до конца списка.

Один из представителей пришедшей в упадок королевской династии, знаменитый оперный певец и отказавшийся от Нобелевской премии русский писатель.

Раздавшийся стук в дверь прервал течение мыслей Дессара. Вошел Антуан, один из носильщиков.

– Да? Что? – спросил Клод.

Антуан недоуменно заморгал слезящимися глазками.

– Вы приказывали закрыть кинозал?

– О чем ты? – нахмурился Дессар.

– А я думал, вы. Кому еще это понадобилось? Несколько минут назад я пошел проверить, все ли в порядке. Двери были заперты, но похоже, кто-то там смотрит фильм.

– Мы никогда не показываем фильмы на стоянках, – твердо заверил заведующий хозяйством, – и двери всегда открыты. Я сам пойду взгляну.

При обычных обстоятельствах Клод Дессар занялся бы этим немедленно, но сейчас навалилось множество мелочей, как всегда одолевающих в последнюю минуту перед отплытием.

Имеющаяся в наличии сумма американских долларов еще не была подсчитана, кассир по ошибке дважды продал билеты в одну из лучших кают, а свадебный подарок, заказанный капитаном Монтенем, доставили совсем на другое судно. Капитан лопнет от злости. Дессар, остановившись на минуту, прислушался к знакомому рокоту мощных корабельных двигателей. «Бретань» медленно отвалила от причала и двинулась задним ходом в канал. Но Дессар тут же забыл обо всем, поглощенный неотложными проблемами.

Через полчаса его нашел Леон, старший стюард прогулочной палубы.

– Ну что еще, Леон? – нетерпеливо спросил Дессар.

– Простите, что беспокою, но, по-моему, вам лучше знать об этом.

– Да? – почти не слушая хмыкнул заведующий хозяйственной частью, целиком поглощенный деликатной задачей: как разместить всех почетных гостей за капитанским столом.

Капитан вовсе не принадлежал к светским людям, и для него было тяжким испытанием каждый вечер вести изящную беседу и развлекать дам. Поэтому Дессару постоянно приходилось брать на себя нелегкую обязанность – подбирать не слишком раздражающее общество.

– Это насчет мадам Темпл… – начал Леон.

Дессар поспешно отложил ручку и, мгновенно насторожившись, поднял маленькие черные глазки.

– Говори!

– Я только что проходил мимо ее каюты и услышал громкие голоса и крик. Через дверь почти ничего не слышно, но она вроде бы повторяла: «Вы убили меня, вы убили меня!» Я подумал, что не имею права вмешиваться, но решил немедленно рассказать об этом вам.

– Ты правильно поступил, Леон, – кивнул Дессар. – Я сам проверю, все ли у нее в порядке.

Он посмотрел вслед уходящему стюарду. Невероятно! Неужели кто-то осмелился причинить неприятности такой женщине, как мадам Темпл?! Рыцарские чувства Дессара были глубоко уязвлены. Он надел форменную фуражку, мельком взглянул в зеркало и направился к двери. Но тут зазвонил телефон, и Дессар, секунду поколебавшись, все же поднял трубку.

– Клод? – раздался голос третьего помощника. – Ради Бога, пришли кого-нибудь в кинозал, пусть захватят ведро и швабру. Там все в крови.

Сердце Дессара ухнуло куда-то вниз. Так он и знал.

– Сейчас, – ответил заведующий хозяйством; повесил трубку, позвал матроса, отдал приказания и, подумав немного, набрал номер судового врача.

– Андре? Клод, – представился он, стараясь говорить как можно небрежнее. – Скажи, к тебе никто не обращался за помощью?.. Нет-нет, я не о таблетках от морской болезни… Не пришлось тебе, скажем, зашивать рану, останавливать кровотечение и тому подобное? Понятно… Спасибо.

Охваченный дурными предчувствиями, Дессар, закончив разговор, зашагал к каюте Джилл Темпл, но на полпути случилось очередное происшествие. Ритм движения огромного судна явно изменился. Глянув в сторону океана, Дессар заметил, что корабль подошел к плавучему маяку Эмброз, где оставит буксир и направится в открытое море. Но внезапно шум двигателей «Бретани» смолк.

Судно остановилось. Произошло нечто из ряда вон выходящее.

Дессар поспешил к поручню и глянул вниз. Буксир подошел к грузовому отсеку «Бретани», и двое матросов начали перегружать багаж с лайнера.

Дессар увидел, как по шторм-трапу в маленькое суденышко спустился пассажир. Клод успел разглядеть только его затылок, но был уверен, что ошибся. Этого просто не может быть. Сам по себе тот факт, что кто-то покидает корабль подобным образом, пробудил у Дессара чувство смутной тревоги. Повернувшись, он поспешил в каюту Джилл Темпл. На стук никто не ответил. Он снова постучал:

– Мадам Темпл, это Клод Дессар, заведующий хозяйственной частью. Не могу ли я чем-нибудь помочь?

Молчание. К этому времени «система сигнализации» в душе Дессара бушевала вовсю. Инстинкт подсказывал: что-то неладно, случилась беда, и ужасное предчувствие говорило, что неприятности каким-то образом связаны с этой женщиной. Совершенно дикие, невероятные предположения теснились в мозгу Дессара. Она убита… похищена… или…

Клод взялся за ручку двери. Незаперто. Он медленно приоткрыл дверь. Джилл Темпл стояла спиной к нему в дальнем конце каюты, глядя в иллюминатор. Дессар открыл было рот, пытаясь заговорить, но что-то странное в неподвижной оцепенелости этой фигуры остановило его.

Он постоял, неуклюже переминаясь, не в силах решить, что лучше – уйти или остаться, но тут до него донесся нечеловеческий пронзительный вопль, словно исходящий от бьющегося в агонии раненого зверя. Не зная, что делать, ошеломленный приоткрывшейся ему глубиной чужого горя, Дессар потихоньку вышел, осторожно притворив дверь. Он подождал немного, прислушиваясь к бессловесным рыданиям, и, глубоко потрясенный, спотыкаясь, побрел к главной палубе, где находился кинозал. Матрос затирал шваброй кровавую дорожку, тянувшуюся от самых дверей.

«Господи, – подумал Дессар, – неужели еще что-то?..»

Он толкнул дверь – створки приоткрылись. Дессар оказался в просторном помещении, где могло разместиться шестьсот пассажиров. Зал был пуст. Повинуясь непонятному импульсу, Дессар подошел к аппаратной. Замок заперт. Только у двух человек были ключи – у самого Дессара и киномеханика. Клод открыл дверь своим ключом. На первый взгляд все тут было в порядке. Подойдя к двум стоявшим в центре проекторам, он притронулся ладонью к каждому. Один из аппаратов был еще теплым.

Дессар не поленился отправиться на нижнюю палубу и разыскать киномеханика, который поклялся всеми святыми, что не знает, кто еще совсем недавно был в кинозале.

Возвращаясь к себе, Дессар решил сократить путь и прошел через кухню. На его пути встал разъяренный шеф-повар.

– Взгляните-ка, – завопил он, – что наделал какой-то идиот! Попадись он мне только!

На мраморном столике стоял восхитительный свадебный торт, увенчанный изящными сахарными фигурками жениха и невесты. Кто-то раздавил голову невесты.

– И в этот момент, – повествовал Дессар завороженным завсегдатаям бистро, – я понял: должно случиться нечто ужасное!

Книга первая

Глава 1

Детройт в 1919 году был одним из самых богатых и процветающих промышленных городов мира. Первая мировая война закончилась, и Детройт

сыграл значительную роль в победе союзных войск, поскольку именно его заводы снабжали фронт танками, тягачами и аэропланами. Теперь, когда угроза нашествия гуннов миновала, автомобильные заводы вернулись к производству мирной продукции, выпуская до четырех тысяч машин в день. Квалифицированные и неквалифицированные рабочие стекались сюда со всего света, чтобы найти работу, и приток итальянцев, ирландцев и немцев не ослабевал.

В числе новоприбывших были новобрачные – Пауль Темплархаус и его жена Фрида.

Пауль был учеником мясника в Мюнхене. Женившись на Фриде и получив приданое, он эмигрировал в Нью-Йорк, где на деньги жены открыл мясную лавку. Через несколько месяцев, почти разорившись, семья переехала в Сент-Луис, затем в Бостон и наконец в Детройт. Причем в каждом городе повторялось одно и то же: в эру процветания, когда люди не экономили на еде, а мясники и бакалейщики обогащались со сказочной быстротой, Пауль Темплархаус ухитрялся прогореть в любом месте, где открывал лавку. Он был хорошим мясником, но абсолютным профаном в бизнесе, и, по правде сказать, гораздо больше любил писать стихи, чем увеличивать капитал.

Пауль проводил долгие часы, подыскивая рифму, оттачивая слог, воплощая на бумаге поэтические образы. Свои творения он отсылал в газеты и журналы, но бессердечные издатели ни разу не напечатали даже строчки из его бессмертных произведений. Однако для Пауля подобные вещи значения не имели. Он отпускал товар в кредит любому, и жители всей округи знали: хочешь получить лучшее мясо бесплатно – иди в лавку Темплархауса.

Жена Пауля, Фрида, некрасивая женщина с невыразительным лицом, совершенно не разбиралась в мужчинах: до встречи с Паулем никто ни разу не пригласил ее даже на свидание. И вот появился человек, который сделал ей предложение, вернее, попросил ее руки у отца. Фрида умоляла родителей согласиться, но старика не нужно было долго уговаривать – он сам смертельно боялся, что дочь повиснет на нем тяжким грузом до конца дней. Отец даже увеличил сумму приданого, чтобы Фрида с мужем смогли уехать из Германии в Новый Свет.

Фрида полюбила мужа с первого взгляда – робкой, нерассуждающей любовью. Никогда раньше ей не приходилось встречать настоящего поэта. Худой,

лысоватый, со светлыми близорукими глазами и мечтательным лицом, Пауль стал для нее всем. Только через несколько месяцев Фрида наконец поверила, что этот красивый молодой человек в самом деле принадлежит ей.

Она не питала иллюзий относительно собственной внешности – неуклюжая глыбоподобная фигура, толстые ноги. Самым красивым в ней были ярко-синие глаза цвета горечавки, но прочие черты ее лица, казалось, принадлежали разным людям – большой нос картошкой, унаследованный от деда, дядюшкин лоб, высокий и покатый, отцовский квадратный жесткий подбородок. Но где-то в этом уродливом теле, полученном от Господа словно в жестокую насмешку, была заключена, как в тюремной камере, молодая прекрасная девушка.
К несчастью, люди никогда не пытались узнать, что скрывается в душе Фриды, и замечали только уродливую оболочку.

Все, кроме Пауля. Ее Пауля. Впрочем, Фрида так и не узнала, что мужа привлекло лишь ее приданое, в котором тот видел единственное средство избавления от кровавых кусков говядины и бараньих мозгов. Мечтой Пауля было начать собственное дело и, заработав много денег, целиком посвятить себя любимому занятию – поэзии.

Медовый месяц молодожены провели на постоялом дворе в окрестностях Зальцбурга, в прекрасном старом замке, на берегу живописного озера, в окружении лугов и лесов. Фрида сотни раз представляла себе первую брачную ночь: Пауль закроет дверь, страстно обнимет ее и, шепча нежные слова, начнет раздевать. Губы возлюбленного найдут ее губы, он покроет поцелуями ее обнаженное тело, точно так, как описывается в маленьких зеленых книжечках, которые Фрида читала тайком от родителей. Его фаллос поднимется, гордый, набухший желанием, прямой, как древко копья. Пауль подхватит ее на руки, понесет к кровати (хотя, может быть, безопаснее, если просто поведет), осторожно положит на постель и снова обнимет.

«Мой Бог, Фрида, – скажет он, – как я люблю твое тело! Не то что у этих тощих заморышей. У тебя тело женщины, настоящей женщины!»

Но Фриду ждало жестокое разочарование. Пауль действительно запер дверь. Но потом… Жестокая реальность разрушила прекрасные мечты. Фрида с удивлением наблюдала, как Пауль быстро скинул рубашку, обнажив худую безволосую грудь, спустил брюки, открыв крохотный вялый пенис, почти скрытый складками крайней плоти. Ничто в этом человеке не напоминало

волнующих картинок в книжках. Пауль растянулся на кровати, ожидая жену. Фрида поняла, что он предоставляет ей самой раздеться, и начала медленно стягивать платье.

«Ну что ж, – думала она, – размер – это еще не все. Пауль может оказаться великолепным любовником».

Через минуту трепещущая молодая жена оказалась на брачной постели рядом с мужем, ожидая услышать романтическое объяснение в любви. Но Пауль лишь молча лег на нее; последовало несколько вялых толчков, и муж быстро откатился. Для ошеломленной новобрачной все закончилось, еще не начавшись. Что же касается Пауля, до сих пор тот привык иметь дело с мюнхенскими потаскушками, и только теперь, потянувшись за бумажником, он вспомнил, что отныне может не платить. С этой минуты услуги подобного рода он будет получать даром.

После того как Пауль уснул, Фрида еще долго лежала с широко открытыми глазами, пытаясь не думать о пережитом разочаровании.

«Секс – это еще не все, – сказала она себе наконец. – Пауль может оказаться прекрасным мужем».

Но, как выяснилось, она и в этом ошиблась.

Уже через несколько недель Фрида увидела Пауля в истинном свете. Она была воспитана в немецких традициях, провозглашавших, что место женщины либо на кухне с детьми, либо в церкви, и поэтому подчинялась мужу беспрекословно. Но глупой Фриду назвать было нельзя. Она не могла не заметить, что муж оставляет желать лучшего и как человек, и как бизнесмен. Там, где Пауль колебался, Фрида стояла на своем. Когда Пауль пытался совершить очередную глупость, Фрида ловко выходила из положения. В самом начале их совместной жизни она не вмешивалась в дела, только молча страдала, видя, как из-за мягкосердечия и идиотизма мужа летят по ветру ее денежки. Но к тому времени как семья перебралась в Детройт, Фрида, не в силах выносить происходящего, ворвалась как-то в лавку мужа, уселась за кассу и первое, что сделала, – повесила табличку «В кредит не отпускаем».

Пауль был потрясен, но это оказалось только началом. Фрида подняла цены на мясо и начала рекламную кампанию, рассылая красочные проспекты по всей округе; вскоре бизнес начал процветать. С этого момента Фрида взяла все дело в свои руки, принимала решения, вела бухгалтерию, а Пауль только подчинялся.

Разочаровавшись в муже, Фрида превратилась в тирана. Она обнаружила, что обладает талантом повелевать людьми, и отныне ничто не могло отвлечь ее от намеченной цели. Именно Фрида указывала, во что и как лучше вложить деньги, где они будут жить, отдыхать и когда заведут ребенка.

Она объявила Паулю о своем решении родить и заставила его трудиться над продолжением рода, пока бедняга не оказался на грани нервного срыва. Он боялся, что подобная сексуальная активность подорвет его здоровье, но Фрида была неумолима.

– Возьми меня! – приказывала она.

– Но как? Мне ничего не хочется, – протестовал муж.

И Фрида оттягивала крайнюю плоть сморщенного жалкого пениса, пытаясь пробудить его к жизни, а когда это ей не удавалось, брала в рот, не слушая негодующего бормотания мужа:

– Господи, Фрида, что это ты делаешь?..

Добившись того, чего хотела, она сама вводила член и ждала, когда муж закончит.

Через три месяца еженощных мучений Фрида объявила мужу, что тот может отдохнуть: она забеременела. Пауль хотел девочку, а Фрида – мальчика, поэтому никто не удивился, что ребенок оказался мальчиком.

Фрида настояла на том, чтобы рожать дома, и пригласила только акушерку. Роды прошли прекрасно, без осложнений, но когда младенец появился на свет, присутствовавшие у постели роженицы были потрясены. Новорожденный оказался обычным ребенком, нормальным во всех отношениях, кроме… Между красными ляжками, словно странный, огромный отросток, висел пенис размером

почти как у взрослого мужчины.

«Не то что у его отца!» – с неистовой гордостью подумала Фрида.

Она назвала малыша Тобиасом в честь жившего в их округе олдермена[2 - Член муниципалитета. – Примеч. ред.]. Пауль объявил Фриде, что сам займется воспитанием мальчика, – в конце концов, дело отца следить, чтобы сын рос настоящим мужчиной.

Фрида выслушала, улыбнулась и после этого разговора близко не подпускала мужа к малышу. Именно она растила Тоби, правила им тевтонским железным кулаком, даже не заботясь о бархатной перчатке. В пять лет Тоби был тощим заморышем, с худыми ножонками, задумчивым личиком, на котором сияли большие ярко-синие материнские глаза. Тоби обожал мать и делал все, чтобы заслужить ее похвалу. Малыш очень хотел, чтобы она подняла его, усадила на пухлые теплые колени так, чтобы можно было прижаться головой к ее груди. Но у Фриды не было времени на подобные глупости – вся энергия уходила на то, чтобы обеспечить семье сносное существование. Она любила маленького Тоби и была полна решимости вырастить сына сильным, мужественным, не то что его папаша-слабак. Фрида требовала, чтобы Тоби никто не мог превзойти, а когда мальчик пошел в школу, следила за его занятиями и увещевала, если тот не мог справиться с заданием.

– Ну-ка, парень, не сиди без дела, а засучи рукава и принимайся за работу.

Она стояла рядом, пока Тоби не находил нужного решения. Чем строже была мать, тем больше Тоби любил ее и дрожал при мысли о том, что вызовет ее гнев. Наказание следовало неотвратимо, на похвалы Фрида скупилась, но знала, что строгость – только на благо Тоби. С первой секунды, когда ребенка положили ей на руки, Фрида знала: настанет день – и ее сын будет знаменитым, известным всему миру человеком, и, хотя не ведала, как и где это произойдет, была твердо уверена в том, что так обязательно случится, словно сам Господь Бог объявил ей об этом.

И даже когда мальчик был еще слишком мал, чтобы понимать ее слова, Фрида не уставала твердить об ожидающей его славе. Поэтому маленький Тоби рос в убеждении, что в один прекрасный день станет звездой, хотя и не представлял себе, как и почему. Он знал только – мать никогда не ошибается.

Самыми счастливыми минутами в жизни мальчика были те, которые он проводил на огромной кухне, делая уроки. Мать стояла у большой старинной печки, готовя восхитительно пахнувший густой суп из цветной фасоли с плавающими в нем сосисками, сочную жареную кровяную колбасу и поджаристые пирожки с картошкой, или месила тесто на широкой колоде для рубки мяса, энергично разминая упругую массу сильными мускулистыми руками, а потом превращала белый мучной ком в тающие во рту пироги с яблоками или сливами. Тоби подбегал к матери, обхватывал руками широкую талию и прижимался к ней лицом. Пряный мускусный запах женщины смешивался с заманчивыми ароматами кухни, и в Тоби нарастало странное возбуждение сродни сексуальному, и в такие минуты он с радостью умер бы за нее. Всю жизнь, до самой смерти, запах печеных яблок мгновенно вызывал в его памяти живой нестареющий образ матери.

Как-то раз, когда Тоби было двенадцать лет, к ним пришла миссис Деркин, местная сплетница, тощая ведьма с черными бегающими глазками. Она без устали молола языком. Когда миссис Деркин ушла, Тоби изобразил ее, да так, что Фрида зашлась от смеха. Тоби казалось, что он в первый раз увидал, как радуется мать, и с тех пор всячески старался ее развеселить, то имитируя покупателей, приходивших в лавку, то учителей и одноклассников, а мать громко хохотала. Наконец-то он нашел способ заслужить ее одобрение!

В школе ставили пьесу. Тоби попытал счастья, и ему дали главную роль. В вечер премьеры мать сидела в первом ряду и аплодировала громче всех. Именно в тот день Фрида поняла, что Господне пророчество обязательно сбудется.

Время было тяжелое, тридцатые годы, начало Депрессии, и владельцы кинотеатров по всей стране из кожи вон лезли, чтобы заполнить пустующие места: раздавали призы, устраивали турниры бинго и кено[3 - Азартные игры. – Примеч. пер.], нанимали таперов и проводили конкурсы актеров-любителей. Фрида внимательно изучала раздел театральных объявлений, чтобы узнать, в каком из кинотеатров ожидается очередной конкурс. Потом вела туда Тоби и сидела среди публики, пока сын имитировал известных комиков того времени. Ему всегда доставался первый приз.

Мальчик подрос, но по-прежнему оставался худым ребенком с личиком херувима, на котором сияли безгрешным светом ярко-синие глаза, – само воплощение невинности. Когда люди видели Тоби, их немедленно охватывало желание обнять его, прижать к себе, утешить и защитить от тягот жизни.

Они любили мальчика, охотно ему аплодировали. Тогда Тоби тоже осознал, что все сбудется, как говорила мать, и он станет звездой ради нее и только потом ради Господа Бога.

Впервые влечение к женщине проснулось в Тоби в пятнадцать лет. Он мастурбировал в ванной комнате – единственном месте, где мог остаться один, – и почувствовал, что этого ему недостаточно. Тоби решил, что пришла пора стать мужчиной.

Как-то вечером Клара Коннорс, замужняя сестра одноклассника Тоби, предложила подвезти его домой. Сидя рядом с хорошенькой большегрудой блондинкой, юноша почувствовал непреодолимое желание и нерешительно положил руку ей на колено. Не встретив сопротивления, он осмелел и полез под юбку, готовый сразу же отдернуть руку, если та закричит. Клару больше забавляло, чем сердило поведение юнца, но когда Тоби расстегнул ширинку и она увидела размер его пениса, то сразу пригласила его к себе домой и на следующий же день посвятила Тоби в радости секса и восторги взаимного обладания.

Это было незабываемым приключением в жизни Тоби. Вместо намыленной ладони он обнаружил влажную пульсирующую плоть, теплую расщелину, поглотившую вздрагивающий от нетерпения фаллос. Стоны и вскрики Клары возбудили его до такой степени, что оргазм следовал за оргазмом, а пенис вновь и вновь твердел и набухал, не покидая уютного гнездышка. Размеры члена всегда были источником тайного стыда для Тоби, но теперь неожиданно обернулись его достоинством и гордостью. Клара не умела держать язык за зубами, и вскоре Тоби не щадя сил обслуживал с полдюжины живущих по соседству матрон…

В течение следующих двух лет он ухитрился лишить девственности чуть не половину одноклассниц. Его сверстники могли прекрасно играть в футбол, иметь больше денег или обладать красивой внешностью; но там, где они терпели поражение, Тоби одерживал победу за победой. Девушки никогда не видели более забавного, остроумного существа и не могли устоять перед этим синеглазым юнцом с личиком херувима и повадками опытного обольстителя.

Тоби уже исполнилось восемнадцать, и годы учебы близились к концу, когда в один прекрасный день его вызвали к директору школы. В комнате находились

мать Тоби, мрачная, как грозовая туча, всхлипывающая шестнадцатилетняя девушка по имени Эйлин Хенеген из католической семьи и ее отец, сержант полиции, тучный мужчина в мундире. Тоби понял, что попал в беду.

– Перейдем прямо к делу, Тоби, – объявил директор. – Эйлин беременна и говорит, что ты – отец ее будущего ребенка. Это правда?

У Тоби внезапно пересохло во рту. Сейчас он помнил только одно: как извивалось и билось под ним юное тело Эйлин, как она стонала от наслаждения, умоляя его:

«Еще, Тоби, еще, глубже, сильнее…»

И вот теперь это.

– Отвечай немедленно, ты, сучонок! – проревел отец Эйлин. – Ты осмелился прикоснуться к моей дочери?!

Тоби украдкой взглянул на мать. Больше всего юношу огорчало то, что она сидит здесь и стала свидетельницей его стыда. Он опозорил, подвел мать, оттолкнул ее своим поведением.

Парень решил, что, если ему удастся выпутаться, если Бог хотя бы на этот раз поможет и сотворит чудо, он в жизни больше не подойдет ни к одной девушке. Отправится прямо к доктору и попросит кастрировать его, чтобы уже никогда не думать о сексе и…

– Тоби! – сухо, холодно окликнула мать. – Ты был в постели с этой девушкой?

Тоби сглотнул, набрал в грудь воздуха и промямлил:

– Да, мама.

– Тогда ты должен жениться, – не допускающим возражений тоном объявила Фрида и оглядела рыдающую девушку, нос которой распух от плача.

– Ты этого хочешь?

– Д-да! – радостно вскрикнула Эйлин. – Я люблю его. О, Тоби, они заставили меня все рассказать. Я не хотела выдавать тебя.

Полицейский, отец Эйлин, возвестил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Моей дочери всего шестнадцать! Это преступление подпадает под статью об изнасиловании несовершеннолетних. Он мог бы провести в тюрьме весь остаток своей жалкой жизни! Но если речь идет о свадьбе…

Все присутствующие как по команде уставились на Тоби. Он снова сглотнул и промямлил:

– Да, сэр! Я… Простите, что так вышло.

Всю дорогу домой оба молчали. Тоби сидел рядом с матерью, униженный, жалкий, сознавая, какую рану ей нанес. Кроме того, теперь придется искать работу, чтобы содержать семью, скорее всего помогать отцу в мясной лавке. Прощайте все мечты и все планы на будущее!

Когда они вернулись, Фрида коротко приказала:

– Пойдем наверх!

Тоби последовал за ней в свою комнату, заранее готовясь к неприятному разговору, но оказалось, он ошибся. Мать молча вынула чемодан и начала укладывать его одежду. Тоби в полном недоумении уставился на нее:

– Что ты делаешь, мама?

– Я? Ничего. Это ты уезжаешь, и как можно скорее. – Выпрямившись, она взглянула сыну в глаза: – Думаешь, я позволю тебе проиграть свою жизнь, выбросить ее на ветер из-за этого ничтожества?! Ну переспал ты с этой девицей, теперь у нее будет ребенок, и что из того! Это доказывает только, что ты мужчина, а она просто глупа! О нет, моего сына никому не завлечь в ловушку дурацкого брака! Господь предназначал тебя для блестящей карьеры, Тоби! Ты поедешь в Нью-Йорк, а когда станешь знаменитостью, вызовешь меня.

Тоби сморгнул навернувшиеся на глаза слезы, бросился матери на шею, и она прижала его голову к груди, убаюкивая, как младенца. При одной мысли, что придется оставить мать, Тоби внезапно почувствовал себя одиноким и потерянным в этом огромном мире. Но все же какое-то странное волнение зародилось в душе, радостное возбуждение разгорелось пламенем: начиналась новая, неизвестная жизнь. Он будет работать в Шоу-Бизнесе! Он станет звездой, великим комиком! Ведь так сказала мать, а она никогда не ошибалась.

Глава 2

В 1939 году Нью-Йорк был актерской Меккой. Годы Депрессии подошли к концу. Президент Франклин Рузвельт заявлял, что отныне людям нечего бояться, кроме самого страха, и обещал, что Америка станет самой процветающей страной в мире. Так и случилось. У всех были деньги, все тратили не считая. В театрах на Бродвее шло тридцать шоу одновременно, и свободных мест нигде не было.

Тоби приехал в Нью-Йорк с сотней долларов, которые дала на дорогу Фрида. Он знал, что станет богат и знаменит, вызовет мать, они будут жить вместе, в прекрасно обставленном пентхаусе, и она будет приходить каждый вечер в театр, садиться в первый ряд и наблюдать, как публика аплодирует сыну. Но пока нужно найти работу.

Тоби обошел все бродвейские театры, перечисляя любительские конкурсы, на которых получил призы, уверяя директоров, что очень талантлив, но ничего не добился. Ему повсюду отказывали.

Безуспешно пытаясь устроиться, Тоби прокрадывался в кабаре и ночные клубы и жадно наблюдал за выступлениями лучших комиков страны. Он знал, что когда-нибудь станет таким же известным, нет, гораздо более знаменитым.

Деньги кончились; пришлось устроиться мойщиком посуды. Тоби звонил матери каждую субботу, по утрам, чтобы платить по сниженному тарифу. Фрида рассказывала Тоби, какой переполох вызвал его побег.

– Посмотрел бы ты на них! Полисмен каждый вечер приезжает сюда на патрульной машине и ведет себя так, словно мы гангстеры. И все время допрашивает, куда ты делся.

– Что ты ему сказала? – встревожился Тоби.

– Правду. Что ты удрал из города, ночью, как вор, и если я когда-нибудь доберусь до тебя, удушу собственными руками.

Тоби громко расхохотался.

Летом Тоби удалось найти работу ассистента у фокусника, бездарного шарлатана, толстяка с бессмысленными глазками-пуговками. Он выступал под псевдонимом Великий Мерлин. Они работали во второразрядных отелях, и главные обязанности Тоби состояли в том, что он затаскивал в фургон, а потом разгружал тяжелый реквизит Мерлина, да еще ухаживал за животными, которых фокусник на представлениях вытаскивал из цилиндра: шестью белыми кроликами, тремя канарейками и парой хомяков. Поскольку Мерлин все время боялся, что кроликов съедят, Тоби был вынужден жить вместе с подопечными в крохотной, чуть больше стенного шкафа комнатке, и юноше казалось, что он насквозь пропитался омерзительным запахом.

Он все время чувствовал, как ужасно устал – оттого, что приходится перетаскивать тяжеленные ящики с двойным дном и потайными отделениями, ловить постоянно разбегающихся зверюшек. Больше не осталось никаких иллюзий. Он часами сидел в убогих унылых комнатенках, ломая голову над тем, как пробить дорогу в шоу-бизнес, непрерывно упражняясь перед зеркалом, имитируя комиков, а единственными зрителями были вонючие зверьки.

Однажды в конце лета, в субботу, Тоби, как всегда, позвонил домой. На этот раз трубку взял отец.

– Это Тоби, папа. Как поживаешь?

В ответ гробовое молчание.

– Алло! Ты слышишь?

– Слышу, Тоби.

Что-то в голосе Пауля заставило Тоби похолодеть.

– Где мама?

– Вчера увезли в больницу.

Тоби так стиснул трубку, что хрупкая пластмасса, казалось, вот-вот лопнет.

– Что с ней?

– Доктор сказал, сердечный приступ.

Нет! Только не мать!

– Она выздоровеет? – отчаянно борясь со страхом, воскликнул Тоби. – Ведь правда? – Сам того не замечая, он почти кричал: – Скажи, с ней все будет хорошо? Скажи, черт бы тебя побрал!

И далеко, за миллион миль, услышал отцовский плач:

– Она… она умерла несколько часов назад.

Слова ударили в лицо, словно поток раскаленной лавы, сжигая, уничтожая, впиваясь в Тоби, пока тот не почувствовал, что все тело охвачено огнем. Отец лжет! Не может она умереть, не может! Они ведь заключили договор! Тоби станет звездой, а мама всегда будет рядом, ее ждут великолепный пентхаус, лимузин с шофером, меха и бриллианты…

Рыдания душили Тоби, он не мог набрать в грудь воздуха и, как сквозь сон, услышал далекий голос:

– Тоби! Тоби!

– Я еду домой. Когда похороны?

– Завтра. Но тебе нельзя приезжать. Они ждут. Эйлин вот-вот родит, а ее отец объявил, что убьет тебя. Появишься здесь – все пропало.

Значит, он не имеет права даже попрощаться с единственным на земле человеком, которого любил.

Тоби весь день пролежал в постели, вспоминая мать. Образ ее так живо представал перед глазами: вот она на кухне, готовит и рассказывает сыну, какое прекрасное будущее его ожидает; а вот в театре, в первом ряду, аплодирует со слезами на глазах… Смеется над его пародиями и шутками… Складывает вещи в чемодан: «Когда станешь великим человеком, вызовешь меня…»

Тоби лежал не двигаясь, оцепенев от горя. В мозгу настойчиво билась одна мысль: «Никогда мне не забыть этот день, пока я жив. 14 августа 1939 года. Самый важный день в моей жизни».

Он оказался пророком. День этот повлиял на всю его дальнейшую судьбу, но не по причине смерти матери, а из-за событий, происходивших в этот момент в маленьком городе Одесса, штат Техас.

Госпиталь, унылое безликое здание, невыразительного цвета, цвета благотворительности, был погружен в тишину. Внутри он был поделен на крохотные палаты-клетушки, где доктора пытались по мере сил облегчить страдания несчастных.

Четыре утра – время тихой смерти, беспокойного сна, час долгожданного отдыха для персонала перед каждодневной неустанной битвой.

Бригада акушеров в операционной номер четыре лихорадочно пыталась найти выход. То, что началось как обычные роды, превратилось в катастрофу. До этой минуты все шло прекрасно. Роженица, миссис Цински, здоровая молодая женщина с широкими крестьянскими бедрами, мечтой каждого акушера, не доставляла никаких неприятностей. Промежутки между схватками становились все реже, и ничего не вызывало опасений. Даже когда доктор Уилсон объявил, что ребенок идет ножками вперед, никого это не обеспокоило. Подобные роды либо проходят, как обычные, и помощи врача не требуется, либо врачу все-таки приходится вмешаться. Самый тяжелый случай – когда ребенка

намертво заклинивает в матке.

Доктор Уилсон с удовлетворением заметил, что роды скорее всего будут легкими. И в самом деле, вскоре показалась ступня новорожденного, потом две крохотные ножки. Еще схватка – появились бедра.

– Ну вот, почти все! – ободрил доктор Уилсон. – Потужьтесь сильнее.

Роженица послушалась, но ничего не произошло.

– Попытайтесь еще раз, изо всех сил, – нахмурился доктор и легонько потянул ребенка за ножки. Никакого движения.

Протиснув руку через узкий проход, Уилсон начал осторожно обследовать плод. На лбу появились крупные капли пота. Тут же подбежала сестра с салфеткой.

– Небольшое затруднение, – тихо объявил он, но миссис Цински услышала.

– Что случилось? – встревожилась она.

– Все в порядке!

Доктор Уилсон дотянулся до головки, осторожно пытаясь вытолкнуть ребенка, но малыш явно застрял. Пальцы ощутили пуповину, зажатую между телом ребенка и тазовыми мышцами матери, полностью перекрывшую новорожденному доступ воздуха.

– Фиброфотоскоп, – велел он.

Акушерка приложила инструмент к животу матери, пытаясь услышать биение сердца плода.

– Около тридцати в минуту, – пробормотала она, – и явная аритмия.

Пальцы доктора Уилсона целиком скрылись в чреве матери, исследуя, ощупывая…

– Пульс замедляется! – вскрикнула акушерка. – Сердце не бьется!

Ребенок умирал. Почти не было шансов на то, что его удастся оживить, даже если они смогут извлечь его как можно быстрее. Оставалось всего-навсего минуты четыре на то, чтобы принять малыша, сделать ему искусственное дыхание, так чтобы сердечко вновь забилось, иначе повреждение мозга будет необратимым.

– Засеките время! – приказал доктор Уилсон.

Все в комнате инстинктивно взглянули на электрические часы: большая минутная стрелка остановилась на двенадцати и вновь начала торопливый бег по кругу.

Акушерская бригада лихорадочно принялась за работу. В операционную вкатили еще одну кислородную установку, а доктор Уилсон пытался в это время сдвинуть ребенка с тазовой диафрагмы. Он начал проводить ручной прием Брехта, стараясь повернуть плечики новорожденного, чтобы очистить вагинальный проход. Но ничего не помогало. Медсестре-практикантке, впервые присутствовавшей при родах, внезапно стало плохо. Она выбежала из комнаты.

А под дверью операционной нервно переминался Карл Цински, терзая шляпу большими мозолистыми ручищами. Сегодняшний день был самым счастливым в его жизни. Карл был плотником, человеком, верившим в счастливые ранние браки и считавшим, что семья должна быть большой. За этой стеной рождается его первый ребенок! Карл никак не мог скрыть волнения. Он очень любил жену и знал, что не смог бы жить без нее.

В этот момент, заметив выбегающую из операционной сестру, Карл бросился наперерез:

– Ну как она?!

Почти обезумевшая девушка, не в силах забыть ужасное зрелище, закричала:

– Она умерла, умерла!

И отвернувшись, пытаясь сдержать позывы рвоты, помчалась по коридору.

Лицо мистера Цински побелело. Задыхаясь, он схватился обеими руками за грудь и рухнул на пол. К тому времени как несчастного доставили в операционную, ему уже ничто не могло помочь.

В родовой палате в лихорадочной безнадежной схватке со временем, наперекор бегущей стрелке, трудился доктор Уилсон. Ему удалось добраться до пуповины, но высвободить плод не было никакой возможности. Внутренний голос умолял, приказывал просто вытащить ребенка, применив силу, но он видел, что происходит с детьми, появившимися на свет подобным образом.

Миссис Цински, почти обезумев от боли, громко стонала.

– Тужьтесь, миссис Цински! Сильнее! Еще!..

Все напрасно. Доктор Уилсон взглянул на часы. Две драгоценные минуты потеряны, доступа крови к мозгу ребенка не было. Перед акушером встала еще одна проблема: что делать, если ребенка удастся спасти, но пройдет больше, чем четыре минуты?! Позволить ребенку жить, зная, что тот навсегда останется умственно неполноценным? Или даровать безболезненную милосердную смерть?!

Выбросив тревожные мысли из головы, доктор Уилсон снова заспешил. Он закрыл глаза и заработал на ощупь, сосредоточившись только на том, что происходило в теле женщины. Акушер попытался провести прием Морисо – Смели – Вейта, комплекс сложных движений, предназначенных для того, чтобы ослабить давление и высвободить тельце ребенка. И внезапно почувствовал, как под ладонью что-то сдвинулось.

– Скорее щипцы, – скомандовал он.

Акушерка быстро подала инструмент. Доктор Уилсон ввел щипцы и захватил головку ребенка. Через секунду все было кончено. Ребенок появился на свет. Для акушерской бригады рождение нового человека всегда было триумфом, чудом рождения, сотворенным их руками, радостью при виде появления маленького краснощекого создания, громко негодующего против того, что его вынуждают покинуть тихое темное уютное чрево и выйти на холод

и беспощадный, бьющий в глаза свет.

Но этот ребенок… Синюшный, неподвижный, молчаливый. Девочка.

Время! Осталось полторы минуты! Каждое движение бригады было быстрым и чисто автоматическим – результат долгих лет практики. Обмотанным бинтом пальцем доктор очистил дыхательные пути малышки от слизи, чтобы открыть доступ воздуху, потом положил ее на спинку. Акушерка подала ему маленький ларингоскоп, соединенный с электрическим аспиратором. Вставив аппарат, доктор кивнул, и акушерка щелкнула выключателем. Послышался ритмичный хлопающий звук.

Уилсон взглянул на часы. Осталось двадцать секунд. Пульса нет. Пятнадцать… Четырнадцать… Сердце не бьется.

Наступил момент, когда необходимо принять решение. Вполне возможно, уже слишком поздно и произошло значительное повреждение мозга. Но никто не может быть уверен в таких вещах. Доктор Уилсон видел больничные палаты, заполненные жалкими созданиями: в телах взрослых людей таился ум трехлетнего ребенка, а бывали случаи и похуже.

Десять секунд – и ничего, ни малейшего признака жизни. Пять секунд. Доктор принял решение и молился только об одном: чтобы Господь понял его и простил.

Он отключит аппарат и скажет, что ребенка нельзя было спасти. Никто не усмотрит в его действиях ничего незаконного.

Доктор еще раз приложил руку к коже ребенка. Холодная и липкая.

Три секунды.

Одна секунда. Сокращений сердечной мышцы нет.

Конец.

Доктор уже протянул руку к выключателю, но в этот момент почувствовал, как сердце ребенка дрогнуло – нерешительно, слабо, потом еще и еще.

Постепенно удары становились сильнее и ритмичнее. В комнате послышались радостные крики, присутствующие поздравляли друг друга с победой. Но доктор Уилсон не слушал. Он неотрывно смотрел на большие настенные часы.

Мать назвала ее Жозефиной в честь бабушки, жившей в Кракове. Второго имени ей не дали – это считалось бы слишком претенциозным для дочери польки-швеи из техасского городка Одессы.

По причинам, непонятным миссис Цински, доктор Уилсон настоял, чтобы Жозефину каждые шесть недель приносили в больницу на обследование.

Заключение, которое раз за разом делал врач, оставалось неизменным: ребенок, по-видимому, вполне нормален.

Только время могло расставить все по местам.

Глава 3

В День труда летний сезон в горах Катскилл окончился, и Великий Мерлин остался без работы, а заодно с ним и Тоби. Он обрел свободу и теперь мог идти на все четыре стороны. Но куда? Он остался без дома, семьи и гроша в кармане. Но тут одна из постоялиц отеля предложила Тоби двадцать пять долларов, чтобы тот отвез ее и ее троих детей в Чикаго.

Тоби уехал, не позаботившись даже попрощаться с Великим Мерлином и его вонючими питомцами.

Чикаго в 1939 году был процветающим, быстро разраставшимся городом, где всякий, кто знал нужные ходы и выходы, мог купить все – от женщин и политических деятелей до наркотиков. На каждой улице сверкали вывески ночных клубов, где были готовы угодить любому самому извращенному вкусу. Тоби обошел все: от большого шумного заведения «В Париже» до маленьких баров на Раш-стрит, но везде получал один ответ. Никому был не нужен юный бродяга, называющий себя комиком. В песочных часах осталось совсем немного песчинок. Пришло время осуществить материнскую мечту.

Тоби было почти девятнадцать.

Одним из клубов, где постоянно отирался Тоби, был «Ни хай». Там гостей развлекало вечно усталое, безразличное ко всему трио музыкантов, пожилой, выгнанный отовсюду пьяница-комик и две стриптизерки, Мэри и Джери, выступавшие под псевдонимом «Сестры Перри». Как это ни странно, но они действительно были сестрами – двадцатилетние девушки, довольно привлекательные, отмеченные печатью дешевой вульгарности. Как-то вечером Джери зашла в бар и села рядом с Тоби. Он улыбнулся и вежливо сказал:

– Мне нравится ваш номер.

Подняв голову, Джери увидела наивного юнца с детским лицом, слишком молодого и плохо одетого, чтобы оказаться легкой поживой. Она безразлично кивнула и уже хотела было отвернуться, но тут Тоби встал, и Джери увидела, что ширинка на его брюках едва не лопается. Девушка снова заглянула в невинные синие глаза.

– Господи Боже! Это все твое?

– Существует только один способ убедиться, не так ли?

Этой же ночью Тоби оказался в постели с обеими сестрами.

Все было тщательно спланировано. За час до начала шоу Джери привела клубного комика, заядлого игрока, в квартиру на авеню Дайверси. Игра в кости была в самом разгаре. Увидев происходящее, комик возбужденно облизал губы:

– У нас всего несколько минут! Я сейчас!

Через полчаса Джери потихоньку улизнула, а комик лихорадочно тряс стаканчик с костями, целиком уйдя в фантастический мир грез, где успех, слава и богатство заключались в одном удачном броске.

В это время Тоби сидел наготове в «Ни хай» – чистенький, аккуратно причесанный – и выжидал.

Когда началось вечернее представление, а комик так и не появился, владелец клуба метался за кулисами, вне себя от злобы и ярости.

– С этим ублюдком покончено, ясно вам?! Пусть и близко к моему клубу не подходит!

– Я вас так понимаю! – промурлыкала Мэри. – Но нам повезло – в баре сидит новый комик. Только сейчас приехал из Нью-Йорка.

– Что?! Где?!

Владелец помчался в бар.

– Ради всего святого, где его нянька? Ведь это ребенок!

– Он просто великолепен! – заверила Джери, причем совершенно искренне.

– Дайте ему возможность показать себя, – добавила Мэри. – Все равно вам терять нечего.

– Кроме этих сволочей посетителей! – пробормотал хозяин, но все же, пожав плечами, подошел к Тоби. – Значит, вы и есть комик?

– Ну да, – небрежно ответил Тоби. – Только недавно отработал сезон в Катскиллских горах.

Хозяин снова смерил его взглядом.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать два, – солгал Тоби.

– Черта лысого! Ну ладно, пойдем. И запомни: если провалишься, не доживешь и до двадцати двух!

Так все и началось. Мечта Тоби Темпла наконец-то сбылась – он стоял на сцене, в кольце света, оркестр играл в его честь приветственный марш, а публика, его публика, собралась здесь, чтобы специально послушать и поаплодировать новому комику.

Тоби почувствовал такой прилив нежности к этим людям, что ощутил комок в горле. Ему показалось, будто он и зрители стали единым целым, будто невидимый магический шнур связал их. Он на мгновение вспомнил о матери, надеясь, что она видит сына, где бы ни находилась сейчас.

Музыка смолкла. Тоби начал говорить:

– Добрый вечер, счастливчики! Меня зовут Тоби Темпл. Думаю, свои имена вы твердо знаете! – Молчание. Тоби решил продолжить. – Слыхали о новом главе чикагской мафии? Он голубой. С этого дня в программу «Поцелуй смерти» включен еще ужин с танцами.

Ни единого смешка. Они смотрели на Тоби холодно, враждебно, и юноша почувствовал, как острые когти страха раздирают внутренности. Тело покрылось липкой испариной. Волшебная связь с публикой внезапно исчезла. Но он не сдавался:

– Я недавно работал в Мэне. Театр стоял в таком густом лесу, что директором там был медведь.

Тишина. И почти ощутимые волны неприязни.

– Никто не предупредил меня, что здесь собрались одни глухонемые. Или это вечеринка на «Титанике»? Корабль тонет, а спасательных шлюпок нет.

Раздались шиканье, свист, и через две минуты после начала номера владелец клуба лихорадочно замахал музыкантам, которые громко заиграли, заглушив звук голоса Тоби. Он стоял как прикованный, с широкой улыбкой на лице, но слезы жгли веки.

Как хотел юноша закричать, выплеснуть на врагов гнев и разочарование!

Миссис Цински проснулась от воплей – громких, пронзительных, звучавших так зловеще в ночной тишине… Только вскочив с постели, она сообразила, что это плачет малышка, и поспешила в другую комнату, где была устроена детская. Жозефина, с посиневшим лицом, билась в судорогах.

В больнице врач-практикант ввел ребенку транквилизатор, и девочка мирно уснула. Доктор Уилсон, принимавший роды у миссис Цински, еще раз тщательно обследовал Жозефину, но никаких отклонений не нашел. И все же ему было не по себе. Доктор никак не мог забыть часы, висевшие на стене в родовспомогательной палате.

Глава 4

Варьете было любимым развлечением американцев с 1891 года до закрытия театра «Палас» в 1932 году. Все начинающие комики пробовали силы на этом поле битвы, где оттачивали свое остроумие на враждебно настроенной богатой публике. Однако те, кому удалось победить, завоевать расположение зрителей, получали в награду известность и славу.

Десятки самых знаменитых комиков прошли школу варьете. Но с упадком этого жанра пришлось искать другие способы заработка. Звездам было легче – их приглашали на радио, в концертные залы и лучшие ночные клубы страны, а начинающим актерам, таким как Тоби, приходилось нелегко. Они тоже выступали в ночных клубах, но совсем иного сорта.

Сеть подобных заведений была известна под названием «Туалет», и это слово было еще слишком мягким – грязные салуны, разбросанные по всей стране, где небритые пьяные посетители звенели кружками, громко рыгали, приставали к стриптизеркам и освистывали комиков просто так, для забавы.

Гримуборными служили грязные клетушки, провонявшие гнилыми объедками, спиртным, мочой, дешевыми духами, но над всем царил едкий запах страха – страха провала, липкого пота, выступающего в минуту поражения. Туалеты были в таком состоянии, что женщины предпочитали пользоваться раковинами. Гонорары тоже были различными – от совершенно несъедобных обедов до пяти – десяти, а иногда даже пятнадцати долларов за ночь в зависимости от приема

зрителей.

Тоби Темпл прошел через все эти заведения, они стали его школой. Только названия городков отличались друг от друга, а клубы и салуны были совершенно одинаковы: такие же запахи, еда, музыка, та же ненависть зрителей. Если им не нравился артист, в него летели пивные бутылки, раздавались выкрики, топот, исполнителя прогоняли со сцены свистом.

Обучение давалось нелегко, а правила были безжалостными, но те, кто выжил, – закалились и возмужали. Тоби научился справляться с пьяными туристами и трезвыми гангстерами, никогда не путая одних с другими, опытным глазом выделять скандалиста и крикуна и успокаивать его, неожиданно попросив глотнуть пива из его кружки или салфетку, чтобы вытереть лоб.

Он работал в таких Богом забытых дырах, как Лейк-Кьямеша, Шаванга-Лодж, Эйвон и Уайлдвуд, не пропустил ни одного, самого жалкого мюзик-холла. И продолжал учиться.

Его собственный номер состоял из пародий на известных певцов и киноактеров – Гейбла, Богарта, Гранта и Кэгни, а также сценок и монологов, украденных у известных комиков, которые могли позволить себе нанять талантливых писателей. Все начинающие комики без зазрения совести использовали чужие скетчи и сценки, да еще имели наглость этим хвастаться, утверждая, что превосходят самих первоначальных исполнителей.

Тоби не останавливался ни перед чем, обезоруживая равнодушную или неприязненно настроенную публику ангельским лицом и невинными синими глазами. Он мог спросить:

– Видели, как мочится эскимос?

Потом расстегивал ширинку и, подставив ладони, показывал зрителям горсть ледяных кубиков.

Иногда Тоби надевал тюрбан, завертывался в простыню и объявлял:

– Абдул, заклинатель змей.

Он играл на дудочке, дергая одновременно за нитки, и из корзинки, раскачиваясь в такт, появлялась кобра – резиновая спринцовка с наконечником вместо головы.

В публике всегда находились люди, считавшие подобные вещи забавными.

У него в запасе были сотни подобных трюков, чтобы всегда успеть переключиться с одной темы на другую, прежде чем в воздухе замелькают пивные бутылки. Но где бы ни работал Тоби, всегда во время его выступлений слышался звук спускаемой в туалете воды.

Тоби объездил всю страну на автобусе. Добравшись до очередного городка, он находил самую дешевую гостиницу или меблированные комнаты и начинал обходить ночные клубы, бары и игорные дома. Он втискивал картонки в туфли, чтобы скрыть дыры на подметках, белил мелом воротнички сорочек, чтобы сэкономить на стирке. Все подобные местечки были одинаково унылыми, а еда несъедобной, но самое страшное было не в этом – его постоянно грызло одиночество. У Тоби не осталось ни одного родного человека на земле – всем было абсолютно безразлично, жив он или умер. Время от времени Тоби писал отцу – скорее из чувства долга, чем потому, что любил его. Юноше отчаянно хотелось поговорить с кем-то, найти друга, который поймет его, разделит мечты.

Тоби наблюдал, как преуспевшие собратья по профессии выходили из дверей первоклассных клубов, в сопровождении телохранителей и ассистентов, под руку с прелестными девушками, садились в блестящие лимузины, и мучительно завидовал им. Когда-нибудь…

Самыми худшими мгновениями были те, когда он проваливался и его шиканьем прогоняли со сцены посреди представления или просто вышибали, прежде чем Тоби успевал начать.

В эти минуты Тоби ненавидел публику и желал одного – перестрелять зрителей. Дело было не в самом провале, а в том, что он потерпел неудачу на самом дне, на первой ступеньке, ведь ниже опускаться было некуда. Он запирался в убогом гостиничном номере, плакал и просил Бога оставить его в покое, отнять это ненасытное желание стоять на сцене перед людьми и развлекать их.

«Господи, – умолял он, – внуши мне стремление стать продавцом или мясником. Всем, кем угодно, кроме этого!»

Мать была не права. Бог не выделил его из толпы. Никогда, никогда ему не достичь вершины. Завтра же поищет другую работу, будет трудиться с девяти до пяти и вести жизнь нормального человека.

Но на следующий вечер Тоби опять стоял на сцене, пародировал кинозвезд, шутил, гримасничал, пытаясь завоевать расположение зрителей, прежде чем те ополчатся на него. Обезоруживающе улыбаясь, Тоби начинал:

– Жил-был человек, у которого была ручная утка. Он ее очень любил и как-то взял с собой в кино. Но билетер его не пропустил, поэтому он сунул утку в брюки, предъявил билет и прошел в зал. Утка забеспокоилась, хозяин расстегнул ширинку, и птица высунула голову. Но рядом сидела дама с мужем. Леди повернулась к мужу и пожаловалась, что сидящий рядом человек показывает ей пенис. Но муж невозмутимо велел ей не обращать ни на что внимания. Через несколько минут дама окончательно расстроилась:

– Ральф… его пенис… – пролепетала она.

– Я же сказал, не обращай внимания, – раздраженно прошипел муж.

– Не могу, – ошеломленно охнула женщина, – он… он ест мои кукурузные хлопья!

В его репертуаре было много подобных историй. Тоби работал на банкетах, крестинах, свадьбах, юбилеях. И все время учился.

Иногда у него бывало по пять-шесть выступлений в день в крохотных кинотеатрах с пышными названиями. Но Тоби не сдавался. Наконец он понял самое главное: можно до конца дней играть в маленьких городишках и убогих заведениях, оставаясь неизвестным и непризнанным. Нужно было что-то предпринять. Но проблема неожиданно решилась сама собой.

В холодное декабрьское воскресенье сорок первого года Тоби выступал в нью-йоркском театре «Дьюи» на Четырнадцатой улице. В программе было восемь номеров, и в обязанности Тоби входило их объявлять. Первое шоу прошло

хорошо, но во время второго, когда Тоби представил публике «Летающих Каназава», семью японских акробатов, публика засвистела и затопала ногами. Тоби поспешно ретировался за кулисы.

– Какого дьявола они вопят? – удивился он.

– Ты что, не слышал? Япошки несколько часов назад бомбили Перл-Харбор, – объяснил кто-то.

– Ну и что? – удивился Тоби. – Взгляните на этих парней. Классно работают!

На следующем представлении, когда наступила очередь акробатов, Тоби вышел на арену и объявил:

– Леди и джентльмены! Имею честь представить вам группу известных акробатов, только что приехавших из Манилы, – «Летающие Филиппинцы»!

Но как только зрители увидели японцев, тут же начали шикать. Потом Тоби поочередно представлял японцев как «Счастливых гавайцев», «Сумасшедших монголов» и даже «Порхающих эскимосов». Но выручить их так и не удалось. Более того, он, как выяснилось, не смог спасти даже себя: позвонив вечером отцу, Тоби узнал, что дома его ждет повестка в армию. Шесть недель спустя его призвали.

В тот день, когда Тоби приводили к присяге, в висках стучало так, что он с трудом выговаривал слова.

Приступы головной боли повторялись все чаще, и маленькая Жозефина чувствовала себя так, словно кто-то огромными ручищами безжалостно стискивал череп, но старалась не плакать, потому что это раздражало мать. Миссис Цински открыла для себя религию. В глубине души она всегда чувствовала, что каким-то образом вместе с Жозефиной повинна в смерти мужа. Как-то днем она попала в молитвенный дом на религиозное собрание и услышала гневные обличения проповедника.

– Все вы тонете в грязи и пороках! Господь Бог, который держит вас над адской пропастью, как неких мерзких насекомых над огнем, отвергает столь гнусные создания. Вы висите на тонкой нити, проклятые грешники, и пламя Его гнева пожрет всех, если не раскаетесь и не отречетесь от деяний своих.

Миссис Цински почему-то стало легче: она поняла, что слышит слова Бога.

– Это Господне наказание за то, что мы убили твоего отца, – повторяла она Жозефине, и хотя девочка была слишком мала, чтобы понять истинное значение этих слов, она знала, что совершила некий дурной поступок, и всем сердцем желала искупить свою вину и объяснить матери, как сожалеет о том, что сделала.

Глава 5

Первые дни армейской службы Тоби обернулись кошмаром.

Тут он был никто: облаченный в полевой мундир рядовой, затерявшийся среди миллионов других, таких же безликих людей без имени и фамилии.

Тоби послали в учебный лагерь в Джорджии, а затем переправили в Англию, в Суссекс, где было расквартировано его подразделение. Тоби доложил сержанту, что хочет поговорить с бригадным генералом. Но дальше капитана пробиться не удалось. Капитана звали Сэм Уинтерс. Он оказался темноволосым мужчиной лет тридцати с умным лицом и проницательными глазами.

– В чем проблема, рядовой Темпл?

– Дело в том, капитан, – начал Тоби, – что я артист, комик. На гражданке работал в шоу-бизнесе.

Он говорил так важно и серьезно, что капитан Уинтерс невольно улыбнулся.

– Что же вы делали?

– Все понемногу. Пародии, подражание, скетчи, – начал Тоби, но, заметив выражение глаз капитана, смешался. – Все в этом роде.

– Где работали?

Тоби начал было перечислять, но тут же замолчал: все равно надежды нет. На офицера произведут впечатление только такие места, как Нью-Йорк и Голливуд. Он только зря время тратит.

– Вы о таких местах и не слышали, – произнес он наконец.

– Не в моей компетенции решать подобные вещи, – объяснил капитан, – но я подумаю, что можно сделать.

– Понятно, – кивнул Тоби. – Большое спасибо, капитан.

Отдав честь, он ретировался. А капитан Уинтерс еще долго сидел за столом, думая о мальчике, с которым сейчас разговаривал. Сэм пошел в армию, потому что считал: справедливую войну с фашизмом необходимо выиграть, но в то же время не выносил мысли о том, как военщина расправляется с молодыми парнями вроде Тоби Темпла. Правда, если этот молодой человек действительно талантлив, значит, раньше или позже пробьется, ведь талант подобен хрупкому цветку, растущему под булыжником, но в конце концов его ничто не остановит – он обязательно расцветет.

Сэм Уинтерс оставил прекрасную должность – продюсера художественных фильмов в Голливуде, чтобы пойти на фронт. До войны он успешно поставил несколько картин для компании «Пан-Пасифик» и встречал десятки молодых, подающих надежды людей, похожих на Темпла. Каждый из них по меньшей мере заслуживал шанса.

Поэтому Уинтерс решил поговорить с полковником Бичем.

– Думаю, неплохо будет, если его прослушают в службе специального назначения. По-моему, парень не так уж плох. Бог видит, наши солдаты нуждаются в развлечениях, и хорошо, если бедняги хоть немного порадуются.

Полковник Бич, смерив взглядом Сэма, холодно ответил:

– Вы правы, капитан. Пришлите мне докладную записку.

Он долго смотрел в спину уходящему Уинтерсу. Полковник был профессиональным военным, выпускником Уэст-Пойнта и презирал всех штатских, а капитан Уинтерс в его глазах был именно таковым. Мундир и капитанские нашивки еще не делают из штатского солдата. Получив докладную записку, полковник взглянул на нее, размашисто начертал поперек листа: «В просьбе отказать», – и расписался. После этого он сразу почувствовал себя лучше.

Больше всего, как оказалось, Тоби не хватало зрителей. Ему было необходимо постоянно практиковаться, чтобы не утратить уже приобретенных навыков. При каждой возможности Тоби сыпал шуточками, пародировал начальство и кинозвезд, не заботясь о том, кто его слушает: скучающие часовые, солдаты в автобусе, отправляющиеся в город, или дневальные на кухне. Тоби заставлял их хохотать до слез, веселиться, аплодировать.

Однажды капитан Уинтерс попал на такое представление. Дождавшись, пока Тоби закончит, Сэм подошел к нему.

– Жаль, что ничего не получилось с вашим переводом, Темпл. Думаю, у вас есть талант. Если после войны попадете в Голливуд, загляните ко мне. – И, ухмыльнувшись, добавил: – Конечно, если там согласятся дать мне работу.

На следующей неделе батальон Тоби послали на передовую.

Но впоследствии, вспоминая о войне, Тоби рассказывал не о боях, а о том, какой имел успех в Сен-Ло, когда подражал Бингу Кросби. Во время пребывания в Ахене он пробрался в госпиталь и два часа развлекал раненых героев, пока наконец медсестры не выпроводили его, и с удовольствием повторял, что у какого-то рядового от хохота полопались швы.

В Меце он провалился, но только потому, что публика нервничала: фашистские самолеты летали над головами.

Сражаться Тоби почти не пришлось, хотя он получил медаль за храбрость при захвате немецкого командного поста. По правде говоря, он и понятия не имел о том, что происходит, поскольку именно в этот момент изображал Джона Уэйна и так увлекся, что не успел испугаться по-настоящему, как все было кончено.

Главным для него было умение развеселить публику. Как-то в Шербуре он с друзьями отправился в бордель, и пока все остальные были наверху, оставался в гостиной, развлекая мадам и двух девушек, а когда, окончательно утомившись, замолчал, хозяйка объявила, что все обслуживание – за счет заведения.

Вот такой была война для Тоби. Как оказалось, жилось ему совсем неплохо, и время летело быстро.

Когда в сорок пятом Германия капитулировала, ему было уже двадцать пять, но лицо оставалось таким же детски наивным, будто ни на день не постарело, а ярко-синие глаза по-прежнему беспомощно и задумчиво взирали на мир.

Все только говорили о возвращении домой. У одного в Канзас-Сити осталась невеста, у другого – старенькие родители в Бейонне, у третьего – бизнес в Сент-Луисе. Только Тоби никто не ждал. Кроме Славы.

Он решил поехать в Голливуд. Настало время осуществить мечту, и Господу пора бы уже помочь ему в достижении заветной цели.

– Знаете ли вы Бога? Видели ли когда-нибудь лицо Иисуса? Я узрел его, братья и сестры, и слышал голос Его, но Он говорит только с теми, кто склоняется перед Ним, припадает к ногам Его и исповедуется в грехах. Господь отвергает нераскаявшихся грешников. Лук ярости Господней натянут, а стрела огненная Его праведного гнева направлена в ваши порочные сердца, и в любой момент Он отпустит тетиву, и оружие Его возмездия уничтожит бренную плоть вашу. Обратитесь к Нему, пока не поздно!

Жозефина в ужасе взглянула на потолок палатки, ожидая увидеть летящую в нее пылающую стрелу, и судорожно сжала руку матери, но та ничего не замечала: лицо ее раскраснелось, глаза лихорадочно блестели.

– Слава Иисусу! – взревели прихожане.

Религиозные собрания проходили в огромной палатке, на окраине Одессы, и миссис Цински всегда брала Жозефину с собой. Кафедра проповедника – деревянный помост – возвышалась на шесть футов над землей, перед ней – огороженная низкой решеткой «площадка грешников», где кающиеся публично признавались в совершенных дурных делах и выходили из молитвенного дома просветленными и обращенными в истинную веру. Дальше шли ряды жестких деревянных скамеек, куда ежедневно усаживались десятки религиозных фанатиков, стремящихся к спасению, потрясенных и трепещущих. И конечно, нервы шестилетнего ребенка не выдерживали воплей и постоянных угроз о неотвратимости кары и Господнем проклятии.

– На колени, жалкие грешники, и трепещите перед всемогуществом Иеговы! Ибо гнусные деяния ваши разбили сердце Иисуса Христа, и за это гнев Отца Его да падет на вас! Вглядитесь в лица детей ваших, зачатых в похоти и исполненных порока!

И малышка Жозефина горела от стыда, чувствуя, что все на нее глазеют. Когда голову вновь охватывал железный обруч боли, Жозефина знала – это Бог наказывает ее. Каждый день она молилась, чтобы приступы прекратились, и это будет знаком Господнего прощения, и желала знать только одно – какое преступление совершила.

– И я воспою: «Аллилуйя», и вы воспойте: «Аллилуйя», и все воспоем хвалу Господу, когда очутимся в Доме Его.

– Спиртное – это кровь дьявола, табак – дыхание его, а плотские утехи – удовольствие, радость. Виновны ли вы в том, что вошли в сговор с сатаной? Если да, то будете вечно гореть в аду, заклейменные вечным проклятием, и Люцифер придет за душами вашими.

Жозефина, дрожа, в ужасе оглядывалась, изо всех сил прижимаясь к деревянной скамье, чтобы дьявол не смог забрать ее.

После громовых проповедей начинались чудеса. Жозефина в зачарованном оцепенении наблюдала, как процессия калек, мужчин и женщин, хромая и охая, направлялась к «площадке для грешников». Некоторых везли в инвалидных колясках. Проповедник возлагал им руки на головы и молил, чтобы силы небесные исцелили скорбящих. Они отбрасывали палки и костыли, некоторые в религиозном трансе начинали что-то бормотать на неведомых языках, а Жозефина вся сжималась от страха.

Собрания всегда заканчивались сбором пожертвований и напутствием проповедника.

– Иисус смотрит на вас. Помните, Он ненавидит скряжничество!

Наконец паства расходилась. Но Жозефина не чувствовала себя свободной – ужас по-прежнему сжимал душу и сердце.

В 1946 году жители техасского города Одесса ощущали во рту маслянисто-горьковатый привкус. Давным-давно, когда на этой земле обитали индейцы, на губах оставалась только песчаная пыль пустыни.

В Одессе жили два рода людей: Нефтяные магнаты и Остальные. Первые относились ко вторым отнюдь не высокомерно, наоборот, жалели и сострадали им, потому что Господь, конечно, предназначил каждому личные самолеты, «кадиллаки», бассейны и хотел бы, чтобы все могли рассылать сотням гостей приглашения на балы и празднества, где шампанское лилось рекой. Именно поэтому Он даровал нефть Техасу.

Жозефина Цински еще не осознавала, что относится к племени Остальных. В шесть лет она была прелестным ребенком с блестящими черными волосами, огромными карими глазами и овальным личиком с фарфоровой кожей.

Мать Жозефины была хорошей портнихой, обшивавшей многие богатые семьи в городе, и часто брала девочку с собой в роскошные дома, где примеряли платья богатые дамы. Она умела превращать отрезы тканей, переливающихся всеми цветами радуги, в великолепные вечерние туалеты.

Женам нефтяных магнатов нравилась Жозефина – вежливый, милый ребенок, а кроме того, им доставляло удовольствие быть великодушными.
Они чувствовали, что проявляют огромную доброту, разрешая бедной малышке из нищего квартала играть со своими детьми.

Жозефина была полькой, но совсем не похожей на остальных выходцев из этой страны, и ей позволили играть с хорошо одетыми девочками и мальчиками, кататься на их велосипедах, пони, укладывать спать их дорогих кукол. Постепенно она начала вести двойную жизнь – дома, в крохотном убогом коттеджике с поцарапанной мебелью, туалетом во дворе и скрипучими осевшими дверьми, и в богатых загородных поместьях с солидными домами в колониальном стиле.

Если Жозефина оставалась ночевать у Сисси Топпинг или Линди Фергюсон, ей отводили большую спальню, а завтрак в постель приносила горничная.

Девочка любила вставать ночью, когда весь дом спал, спускаться вниз и рассматривать великолепные вещи, которыми был обставлен дом, замечательные картины, тяжелое серебро с монограммами и потемневшие от времени античные безделушки. Она изучала их, ласкала, гладила и давала клятву, что в один прекрасный день тоже станет владелицей такого дома и красивых вещей.

Но и в том, и в другом мире она была ужасно одинока.

Жозефина боялась рассказывать матери о мучительных жестоких приступах мигрени из страха перед Богом, потому что миссис Цински стала мрачной религиозной фанатичкой, одержимой мыслями о Божьем наказании. В то же время девочка не хотела открывать душу перед избалованными разряженными детьми нефтяных королей, ведь те привыкли в ней видеть веселую беспечную девчонку, какой были они сами, поэтому ей приходилось хранить в душе изматывающие кошмары.

Незадолго до дня рождения Жозефины, когда ей исполнилось семь лет, универмаг Брубейкера объявил фотоконкурс на самого красивого ребенка в Одессе. Снимки делались в отделе фотопринадлежностей магазина, а победитель получал приз – золотую чашу с выгравированным именем счастливчика. Чашу выставили в витрине, и Жозефина каждый день ходила

на нее смотреть. Никогда еще ничего она не хотела так сильно, как стать первой. Мать никогда бы не позволила Жозефине участвовать в конкурсе, считая, что тщеславие – это зеркало дьявола, но одна из богатых клиенток, покровительствующая девочке, заплатила за фото. Жозефина была уверена: чаша достанется ей. Она уже представляла себе, как будет выглядеть безделушка на комоде в их комнате. Жозефина будет каждый день стирать с нее пыль, любоваться по ночам.

Когда наступил решающий день, девочка так волновалась, что даже не смогла пойти в школу и весь день пролежала в постели. Слишком велик, почти невыносим был груз счастья. Впервые в жизни в ее руках окажется прекрасная драгоценность, и эта чудесная вещь будет принадлежать только ей одной.

На следующий день Жозефина узнала, что победительницей стала Тина Хадсон, дочь одного из самых богатых в городе людей. Ей было далеко до Жозефины, но мистер Хадсон, как оказалось, был одним из членов совета директоров компании, во владении которой находился универмаг Брубейкера.

Когда Жозефина услышала новость, у нее так разболелась голова, что девочка едва удерживалась от крика. Она очень боялась, что Бог узнает о ее желании получить приз, но Всемогущий Господь, должно быть, действительно видел все, потому что приступы участились. По ночам она тихо плакала в подушку, чтобы не разбудить мать.

Через несколько дней после того, как были объявлены результаты конкурса, Жозефину пригласили в дом Хадсонов на уик-энд. Золотая чаша стояла на каминной полке в комнате Тины. Жозефина долго смотрела на нее. Когда девочка вернулась домой, чаша была спрятана в ее сумке под ночной рубашкой. Она все еще лежала там, когда появилась мать Тины и забрала украденную вещь.

Мать Жозефины обломила длинный прут с дерева и жестоко избила дочь. Но девочка не злилась на нее. Те несколько секунд, когда Жозефина держала в руках сверкающую драгоценность, стоили перенесенных боли и унижения.

Глава 6

Голливуд сороковых был мировой столицей кино, магнитом, притягивавшим талантливых и бездарей, жадных и благородных, красивых и безумцев. Он был землей высоких пальм и грез о Рите Хейуорт, Меккой для всех, кто стремился стать первым в волшебном царстве снов. Для одних Голливуд был городом, который мог в одну ночь сделать тебя звездой, для других – гигантским казино, разорявшим доверчивых, или публичным домом, апельсиновым садом, даже святилищем, но для всех он становился магическим калейдоскопом: каждый, заглянув в него, видел свой, не похожий на другие узор.

Для Тоби Темпла Голливуд был местом, куда он всегда стремился. Тоби прибыл сюда с армейским рюкзаком и тремя сотнями долларов. Устроившись в дешевом пансионе на бульваре Кахуэнга, он стал думать, что делать дальше. Тоби понимал, что должен как можно быстрее найти работу, иначе вскоре останется без гроша. Он знал, что в таком городе, как Голливуд, встречают по одежке, и поэтому сразу отправился в магазин мужской одежды на Вайн-стрит и заказал новый гардероб. В кармане осталось двадцать долларов. Тоби, беспечно насвистывая, устремился в ресторан «Браун дерби», где обедали все кинозвезды. Стены зала были покрыты карикатурами на самых знаменитых голливудских актеров. Тоби чувствовал волнующую атмосферу шоу-бизнеса, ощущал присутствие магической силы.

К нему подошла официантка, хорошенькая рыжеволосая девушка лет двадцати двух с великолепной фигурой.

– Чем могу помочь? – улыбнулась она.

Тоби не смог устоять. Вытянув руки, он сжал упругие, круглые, как спелые арбузы, груди. Девушка ошеломленно отпрянула и уже открыла рот, чтобы закричать, но Тоби уставился в одну точку затуманенными, словно покрытыми пленкой глазами:

– Извините, мисс… я… я ничего не вижу…

– О, мне так жаль, – покаянно воскликнула она, всей душой сочувствуя несчастному.

Она взяла Тоби под локоть, подвела к столу, помогла сесть и взялась заказывать обед. Вернувшись через несколько минут, девушка застала Тоби за странным для слепого занятием: тот рассматривал карикатуры на стене и, увидев, что пойман, расплылся в улыбке:

– Произошло чудо! Я снова прозрел!

У негодника был такой невинный взгляд, что девушка не смогла удержаться от смеха. Она хохотала над шутками Тоби, пока он обедал, и даже позже, в постели.

Тоби устраивался на любую работу, лишь бы только быть поближе к шоу-бизнесу. Как-то он работал на платной стоянке и, когда подъезжали знаменитости, лихо распахивал дверцы автомобиля и отдавал честь. Но никто не обращал на него внимания. Он был всего лишь очередным мальчиком на побегушках, и всем было наплевать – жив он или умер. Тоби смотрел вслед выходившим из машины красивым, в дорогих облегающих платьях девушкам и думал: «Если бы вы только знали, кем я стану в один прекрасный день, тут же бросили бы этих жлобов!»

Он обошел всех агентов, но быстро понял, что зря тратит время. Это не он, а они должны бегать за ним. Чаще всего Тоби слышал имя Клифтона Лоренса. Он представлял только самых талантливых актеров и заключал невероятные контракты. И Тоби решил, что когда-нибудь Клифтон Лоренс будет его агентом.

Он подписался на две священные газеты шоу-бизнеса: «Дейли вэрайети» и «Голливуд рипортер». Открывая их, Тоби чувствовал себя членом актерского братства. Как-то, просматривая рубрику «Новости кино», он обнаружил заметку, от которой лихорадочно забилось сердце:

«Продюсер Сэм Уинтерс назначен вице-президентом по производству фильмов на студии «Пан-Пасифик».

Глава 7

Сэм Уинтерс, вернувшись домой, обнаружил, что его должность в «Пан-Пасифик» никем не занята. Через полгода начались перемещения. Глава студии был уволен, и Сэма попросили вести дела до назначения нового директора. Но Уинтерс настолько хорошо справлялся, что никто и не подумал искать другого человека. Сэм был официально назначен вице-президентом по производству художественных фильмов. Это была нервная, выматывающая, суматошная работа, но Уинтерс любил свое дело больше всего на свете.

Голливуд напоминал цирк с тремя аренами, на которых теснились, вертелись и плясали безумцы, идиоты и просто сумасшедшие, минное поле, на котором можно было каждую секунду взлететь на воздух. Большинство актеров, режиссеров и продюсеров были невероятными эгоцентристами, страдающими манией величия, неблагодарными, злобными ничтожествами. Но как считал Сэм, если они обладали талантом, остальное значения не имело. Талант – вот магический ключ, открывавший сердца зрителей.

Дверь кабинета открылась, и на пороге появилась Люсиль Элкинс, секретарь Сэма. Она принесла утреннюю почту. Люсиль, постоянная фигура на студии, была из тех компетентных профессионалов, которые остаются навсегда и могут пережить с десяток боссов.

– Пришел Клифтон Лоренс, хочет вас видеть, – объявила она.

– Попроси его войти.

Лоренс нравился Сэму. У этого человека был свой неподражаемый стиль. В городе, где чести, совести и искренности днем с огнем нельзя было сыскать, Клифтон был самым порядочным из агентов. Он стал легендой Голливуда, а список его клиентов напоминал справочник «Кто есть кто в шоу-бизнесе». Лоренс не держал большого штата, справлялся со всем один и постоянно был в пути, обслуживая клиентов в Лондоне, Швейцарии, Риме и Нью-Йорке. Клифтон был в близких отношениях со всеми влиятельными лицами в Голливуде и еженедельно встречался за карточным столом с главами трех студий. Дважды в год он нанимал яхту, собирал с полдюжины красивых моделей и приглашал студийных руководителей и администраторов «порыбачить недельку».

У Клифтона был благоустроенный пляжный домик в Малибу, который он охотно предоставлял в распоряжение приятелей. Лоренса и Голливуд связывала

символическая, выгодная для обеих сторон дружба.

Сэм поднялся навстречу подтянутому, стройному, элегантно одетому Клифтону. Агент подошел к столу, протянул руку с безупречным маникюром.

– Забежал на минутку поздороваться. Ну как дела, дорогой?

– Как получше выразиться? – ответил Сэм. – Если бы дни именовались по названиям кораблей, сегодняшний следовало бы назвать «Титаником».

Клифтон Лоренс сочувственно хмыкнул.

– Ну что думаешь о вчерашнем предварительном показе? – поинтересовался Сэм.

– Сократи фильм на двадцать минут, с самого начала, сделай другой конец, и ты получишь шедевр.

– Черт возьми! – ухмыльнулся Уинтерс. – Именно это мы и делаем. А как насчет клиентов? Собираешься кого-нибудь продать сегодня?

– Извини, все работают, – усмехнулся агент.

И это было чистой правдой. В круг клиентов Клифтона Лоренса входили избранные – блестящие режиссеры, продюсеры, талантливые кинозвезды, – и они всегда пользовались большим спросом.

– Увидимся в пятницу, Сэм. Приходи обедать. Чао! – попрощался Клифтон и зашагал к двери.

В переговорном устройстве послышался голос Люсиль:

– К вам Даллас Берк.

– Проси.

– И Мел Фосс хотел бы вас видеть. Говорит, по срочному делу.

Мел Фосс был главой телестудии «Пан-Пасифик».

Сэм сверился с настольным календарем:

– Попроси его прийти завтра, к восьми. Позавтракаем вместе в «Поло лонж».

В секретариате зазвонил телефон; Люсиль подняла трубку.

– Офис мистера Уинтерса.

– Привет! – объявил незнакомец. – Великий человек у себя?

– Извините, кто звонит?

– Скажите, старый приятель Тоби Темпл. Вместе были в армии. Сэм велел разыскать его, если когда-нибудь попаду в Голливуд. И вот я здесь.

– У него совещание, мистер Темпл. Может, попросить его позвонить вам?

– Прекрасная мысль!

Тоби назвал номер, и Люсиль тут же выбросила записку в корзину для мусора. Это был не первый случай, когда назойливые посетители, пытаясь пробиться к Уинтерсу, представлялись старыми фронтовыми товарищами вновь назначенного вице-президента.

Даллас Берк был одним из зачинателей американского кино, выдающимся режиссером. Фильмы Берка в качестве великолепного учебного пособия показывали во всех колледжах, где обучали будущих мастеров киноискусства. Многие ранние работы Берка считались классикой, но и остальные были блестящими фильмами истинного гения. Но теперь Далласу было уже под семьдесят; когда-то могучие плечи согнулись, костюм висел на иссохшем теле как на вешалке.

– Как хорошо снова увидеть вас, Даллас! – приветствовал Сэм старика.

– Привет, малыш!

Даллас показал на своего спутника:

– Знаешь моего агента?

– Конечно. Как поживаете, Питер?

Все уселись.

– Слышал, у вас для меня новый сценарий, – начал Уинтерс.

– Просто шедевр! – взволнованно перебил старик.

– Не дождусь, пока начнете рассказывать. Давайте, Даллас, не медлите!

Берк, наклонившись вперед, начал говорить:

– Чем интересуются люди больше всего на свете, малыш? Конечно, любовью, ведь так? И самое святое, самое чистое в мире чувство – любовь матери к своему ребенку.

Голос его окреп, зазвучал громче, словно Берк на мгновение помолодел.

– Начало истории такое: девятнадцатилетняя девушка работает секретарем в богатой семье. Старые деньги. Тут-то мы и можем завязать интригу, ясно? Высшее общество и все такое. Парень, у которого она работает, женат на чопорной аристократке. Черствая, злая, холодная как лед, словом, голубая кровь. Хозяину нравится секретарша, и он ей симпатичен, хотя намного старше.

Слушая вполуха рассказ гостя, Сэм лениво думал, что подобные сюжеты ему приносят по крайней мере раз в неделю. Но как бы ни был плох сценарий, Уинтерс твердо знал, что все равно купит его. Прошло почти двадцать лет с того времени, когда кто-то поручал Берку ставить картину. Последние три фильма Далласа были старомодными, дорогими и совершенно невыносимыми. Публика уходила с середины сеанса. Карьера Далласа Берка была окончена. Но он был еще жив и упорно цеплялся за воспоминания о прошлой славе, а кроме того,

нуждался в уходе и заботе – старик ухитрился растратить все, что заработал, и не имел ни цента за душой. Берку предложили комнату в доме призрения для престарелых актеров, но тот с негодованием отказался.

– Не нужна мне ваша вшивая благотворительность! – орал он. – Вы говорите с человеком, который работал с Дугом Фэрбенксом и Джеком Барримором, Милтоном Силсом и Биллом Фарнумом! Я гигант, жалкие вы пигмеи, сукины дети!

И Берк был прав. Он стал легендой, но даже гениям нужно есть. Когда Сэма назначили продюсером, он позвонил знакомому агенту и попросил привести Далласа Берка с сюжетом для нового фильма. С тех пор Уинтерс постоянно покупал очередные бредовые истории, причем платил столько, что старику хватало на жизнь, а пока был в армии, попросил заместителя делать то же самое.

– Итак, – продолжал Даллас Берк, – малышка растет, не зная матери. Но та не забывает ребенка, следит за каждым ее шагом. В конце фильма, когда дочь выходит замуж за богатого доктора, можно дать сцену венчания. Роскошные платья, важные господа. И знаешь, Сэм, в чем гвоздь сюжета? Слушай внимательно, это просто потрясающе! Мать не пустили в церковь!
Ей приходится прокрадываться через боковую дверь, чтобы посмотреть, как венчают ее дочь! Представляешь? Публика будет рыдать, поверь, рыдать и биться в истерике. Вот и все. Ну как?!

Сэм взглянул на агента, но тот отвел глаза и в полнейшем смущении принялся изучать носки дорогих туфель.

– Великолепно! – воскликнул Уинтерс. – Именно такой сценарий нужен сейчас студии. – И, обратившись к агенту, добавил: – Позвоните в юридический отдел, составьте контракт, Питер. Я их предупрежу.

Агент кивнул.

– И скажи, пусть отвалят хороший куш, иначе отнесу сценарий в «Уорнер бразерс», – вмешался Даллас. – Я сюда пришел только потому, что мы друзья!

– Поверь, я очень это ценю, – ответил Сэм.

Даллас и агент распрощались. Строго говоря, Уинтерс не имел права тратить деньги компании на подобные вещи и вряд ли смог бы объяснить владельцам правомерность столь сентиментальных поступков. Но киноиндустрия все-таки была многим обязана таким людям, как Даллас Берк, потому что без него и ему подобных вообще не было бы никакого кино.

На следующее утро ровно в восемь Сэм Уинтерс подъехал ко входу в отель «Беверли-Хиллз» и через несколько минут уже лавировал между столиками «Поло лонж», кивая на ходу друзьям, знакомым и конкурентам.

В этом зале за завтраком, обедом и коктейлем заключалось больше сделок, чем в офисах административных зданий всех студий вместе взятых.

Завидев приближающегося Уинтерса, Мел Фосс кивнул:

– Доброе утро, Сэм.

Мужчины пожали друг другу руки, и Сэм уселся в кабинке напротив Фосса. Восемь месяцев назад Сэм нанял Фосса на должность директора отдела телефильмов студии «Пан-Пасифик». Телевидение, это новорожденное дитя индустрии развлечений, росло с поразительной быстротой. Все студии, ранее смотревшие на телевидение сверху вниз, теперь наперебой снимали телефильмы.

Появилась официантка, приняла заказы и отошла.

– Ну, рассказывай, Мел, надеюсь, у тебя добрые вести, – начал Сэм.

Но Фосс покачал головой:

– Какие там добрые вести! У нас крупные неприятности!

Сэм молча выжидал.

– Придется снимать «Налетчиков» с эфира.

– Почему? – удивился Сэм. – Рейтинг прекрасный и фильм неплохой. Сам знаешь, трудно найти настоящий хит! Публика нынче капризная.

– Дело не в фильме, – вздохнул Фосс. – Это Джек Нолан.

Нолан играл главную роль в «Налетчиках» и пользовался неизменным успехом как у критиков, так и у публики.

– Что с ним случилось? – нетерпеливо спросил Сэм. Он не выносил манеры Мела – никогда ничего не рассказывать самому, вынуждая начальство вытягивать из него все сведения.

– Читал последний выпуск журнала «Пик»?

– Я его вообще не читаю. Помойка какая-то! – И, неожиданно поняв, к чему клонит Фосс, охнул: – Они накрыли Нолана!

– Правильнее сказать, поймали с поличным. Психованный ублюдок надел вечернее кружевное платье и в таком виде отправился на вечеринку. Кто-то догадался сделать снимки.

– Совсем паршиво?

– Хуже не бывает. Начальство то и дело звонит. Спонсоры и директора требуют расторгнуть контракт с Ноланом. Кому охота связываться с педиком, да еще к тому же не скрывающим своих пристрастий!

– Трансвестит, – снова вздохнул Сэм.

В следующем месяце в Нью-Йорке должно состояться заседание совета директоров, и он очень рассчитывал, что сможет представить телестудии благоприятный отчет. Происшествие с Ноланом положило конец всем надеждам. Закрытие «Налетчиков» – сокрушительный удар. Если… если только он не найдет выхода. И как можно быстрее.

Когда Сэм вернулся к себе в офис, Люсиль помахала пачкой записок.

– Очень срочно, – начала она. – Начальство просит вас…

– Позже. Немедленно свяжитесь с Уильямом Хантом в «Ай-би-си».

Через две минуты Сэм уже говорил с директором «Интернэшнл бродкастинг компани». Он знал Ханта много лет, и хотя они никогда не были особенно близки, Уильям ему нравился. Хант начинал карьеру как способный молодой член корпорации адвокатов, поднялся по служебной лестнице с самого низа и наконец оказался на самом верху.

Между Уинтерсом и Хантом не было никаких деловых отношений. Теперь Сэм пожалел об этом.

Услышав голос Уильяма, Сэм постарался говорить как можно спокойнее и небрежнее:

– Здравствуй, Билл!

– Какой приятный сюрприз! – вежливо ответил Хант. – Давно не виделись, Сэм.

– Слишком давно. Беда с этим бизнесом, Билл! Никогда не хватает времени поговорить с людьми, которые тебе нравятся!

– Совершенная правда.

– Кстати, – как бы между прочим спросил Сэм, – вы не читали эту идиотскую заметку в журнале «Пик»?

– Читал, сами понимаете, – спокойно ответил Хант. – Поэтому и снимаем фильм с эфира.

Говорить, по всей видимости, больше было не о чем. Но Сэм сделал последнюю отчаянную попытку:

– Билл, что вы скажете, если я докажу, что Нолана подставили?

На другом конце послышался смех:

– С такой фантазией вам следовало бы стать писателем, Сэм.

– Да нет, я говорю правду, – торжественно поклялся Сэм. – Я хорошо знаю Джека Нолана. Никакой он не извращенец. Снимок сделан на костюмированном балу. Это был день рождения его подружки, вот Джек и решил подшутить.

Сэм почувствовал, как на лбу выступили капли пота.

– Я не могу…

– И чтобы доказать мое доверие к Джеку, – продолжал Уинтерс, – я собираюсь дать ему главную роль в «Лоредо», полнометражном вестерне, который мы начинаем снимать с будущего года.

Последовало молчание.

– Вы это серьезно, Сэм?

– Вот именно. Бюджет картины три миллиона долларов. Если окажется, что Джек Нолан – голубой, нас ждет оглушительный провал. Прокатчики близко не подойдут к этой картине! Неужели вы думаете, я пойду на такой риск?!

– Ну… – нерешительно протянул Хант.

– Бросьте, Билл, неужели вы собираетесь позволить вшивому бульварному листку уничтожить карьеру порядочного человека? Вам ведь нравится сериал?

– Очень! Прекрасный фильм. Но спонсоры…

– Это ваша компания. У вас больше спонсоров, чем экранного времени. Мы дали вам хит-шоу. Не стоит испытывать судьбу, в следующий раз такого успеха может не быть.

– Вообще…

– Мел Фосс еще не говорил вам о том, что мы собираемся сделать с «Налетчиками» в следующем сезоне?

– Нет…

– Наверное, хотел сделать сюрприз, – бросился в атаку Сэм. – Подождите, вы еще всего не знаете! Известные сочинители вестернов, съемки на натуре, пригласим кинозвезд! Если «Налетчики» не выйдут на первое место по рейтингу, значит, я занимаюсь не своим делом.

Билл Хант, явно колеблясь, пробормотал:

– Хорошо, пусть Мел мне позвонит. Может, мы слишком рано ударились в панику.

– Обязательно, – пообещал Уинтерс.

– И вот еще, Сэм… вы, конечно, понимаете мое положение. Я не намеревался никого оскорбить.

– Ну конечно, понимаю, – великодушно ответил Уинтерс. – Я достаточно хорошо знаю вас, Билл, чтобы зря обижаться. Поэтому и хотел рассказать, как все было на самом деле.

– Поверьте, я ценю ваше отношение.

– Может, пообедаем вместе на следующей неделе?

– С удовольствием. Позвоню вам в понедельник.

Мужчины распрощались. Повесив трубку, Сэм, совершенно опустошенный, откинулся на спинку кресла. Джек Нолан был пустым ничтожным ублюдком, и, по правде говоря, вся эта мерзость должна была всплыть уже давно. Подумать только, что все будущее Сэма зависит от подобных психов! Управлять студией – все равно что идти в метель по проволоке, натянутой над Ниагарским водопадом. Только безумец мог согласиться на подобную должность.

Сэм, вздохнув, поднял трубку прямого телефона и набрал номер Мела Фосса.

– Съемки «Налетчиков» продолжаются, – объявил он.

– Что?! – ошеломленно воскликнул Фосс.

– То, что слышишь. Немедленно поговори с Джеком Ноланом. Скажи, что, если он когда-нибудь позволит себе нечто подобное, я лично вышвырну его из города! И поверь, я не шучу. Если ему необходимо что-то сосать, пусть купит банан!

Сэм швырнул трубку и опустил голову на руки. Придется внести все изменения, обещанные Ханту, да еще и найти сценариста для вестерна «Лоредо».

Дверь широко распахнулась, на пороге стояла Люсиль с белым от ужаса лицом.

– Скорее на десятую площадку! Кто-то ее поджег!

Глава 8

Тоби много раз пытался связаться с Сэмом Уинтерсом, но уломать сучку-секретаршу так и не удалось, и пришлось наконец сдаться. Он обошел ночные клубы и студии, но нигде не добился успеха. Пришлось опять заниматься тем, что подворачивалось. Весь следующий год Тоби продавал страховые полисы, недвижимость и даже мужское белье, а по вечерам работал в дешевых барах и ночных клубах. Но ворота студии так и не распахнулись перед ним.

– Не с того начинаешь, – сказал ему как-то приятель. – Пусть они придут к тебе.

– И как я это сделаю? Притащу их на веревке? – цинично хмыкнул Тоби.

– Запишись в «Экторз уэст».

– Театральная школа?!

– Не только. Там ставят пьесы, и на премьеру приходят представители всех студий.

В «Экторз уэст» царила атмосфера профессионализма. Тоби почувствовал это, едва переступив порог. На стене висели фотографии выпускников школы. Тоби узнал многих известных актеров.

Блондинка-секретарша в приемной подняла голову:

– Чем могу помочь?

– Я Тоби Темпл. Хотел бы поступить в ваше училище.

– Есть ли у вас сценический опыт?

– Ну… как вам сказать… в общем, нет, – признался Тоби. – Но я…

Блондинка покачала головой:

– Мне очень жаль, но миссис Теннер принимает только профессионалов.

Тоби изумленно уставился на нее:

– Вы, надеюсь, шутите?

– Нет. Таковы правила. Она никогда…

– Я не об этом. Вы действительно не знаете, кто я?

– Нет.

Тоби грустно вздохнул:

– Иисусе! Леланд Хэйдорд прав – если вы работаете в Англии, Голливуд даже не подозревает о вашем существовании!

Он улыбнулся и добавил извиняющимся тоном:

– Я шутил. Просто думал, что вы меня знаете.

Секретарь, окончательно смешавшись, не понимала, чему верить.

– Вы работали в театре?

– Совершенно верно, – смеясь кивнул Тоби.

Блондинка взяла анкету.

– Какие роли вы играли и где?

– Не здесь, – поспешно ответил Тоби. – Последние два года играл в Англии. В театре с постоянной труппой.

– Понятно, – кивнула девушка. – Ну что ж, сейчас спрошу миссис Теннер.

Она исчезла в другой комнате и через несколько минут вернулась.

– Миссис Теннер примет вас. Желаю удачи.

Тоби подмигнул блондинке, глубоко вздохнул и открыл дверь.

Элис Теннер, темноволосая женщина лет тридцати пяти, с привлекательным аристократическим лицом, сидела за письменным столом, но даже с порога Тоби заметил, что у нее великолепная фигура.

«Тем лучше, – решил он, – это место мне подходит!»

И, обаятельно улыбнувшись, представился:

– Меня зовут Тоби Темпл.

Элис поднялась и направилась навстречу. Левую ногу женщины обхватывал тяжелый ортопедический аппарат; она двигалась раскачивающейся походкой человека, давно свыкшегося с несчастьем.

«Полиомиелит», – решил Тоби, не зная, стоит ли выражать сочувствие.

– Итак, вы желаете посещать занятия, – начала женщина.

– Очень хотелось бы.

– Могу спросить почему?

– Потому что, где бы я ни был, миссис Теннер, – как можно более искренне начал Тоби, – люди говорят о вашей школе и о том, какие великолепные пьесы вы ставите. Бьюсь об заклад, вы даже не подозреваете, каким уважением пользуетесь!

– Почему же? – пожала плечами Элис. – Поэтому я и должна быть вдвойне осторожной, чтобы не допустить сюда мошенников.

Тоби почувствовал, как щекам стало горячо, но жизнерадостно, по-мальчишески улыбнулся.

– Да уж, должно быть немало таких пытается сюда устроиться!

– Довольно много, – согласилась миссис Теннер и взглянула на карточку, которую держала в руках:

– Тоби Темпл? Играли с постоянной труппой в Англии?

– Совершенно верно.

Элис оглядела его и спокойно заметила:

– Мистер Темпл, американцам не позволено играть в английских театрах с постоянной труппой. Профсоюз британских актеров запрещает это.

Тоби ощутил, как замерло его сердце.

– Нужно было с самого начала хорошенько все разузнать, тогда не пришлось бы попадать в неловкое положение. Извините, но мы принимаем только профессионалов.

Она отвернулась и направилась к столу. Все было кончено.

– Погодите!

Голос Тоби был подобен удару хлыста. Женщина остановилась как вкопанная. В этот момент Тоби еще не знал, что скажет или сделает, сознавал только, что все его будущее зависит от того, удастся ли ему убедить миссис Теннер. Женщина, стоявшая сейчас перед Тоби, могла помочь ему встать на первую ступеньку карьеры, к которой он стремился, могла помочь ему достичь всего, о чем мечтал, ради чего трудился, мучился, страдал. Нельзя позволить ей уйти!

– Нельзя судить о таланте по глупым правилам, леди! Ладно, я не играл на сцене. А почему? Потому что такие, как вы, не желают дать мне шанса! Понимаете, о чем я говорю? – голосом У. К. Филдса спросил он.

Элис уже открыла рот, чтобы оборвать наглеца, но Тоби не дал ей этой возможности. Он мгновенно перевоплотился в Джимми Кэгни, умоляющего позволить бедняге попробовать проявить себя, а потом стал Джеймсом Стюартом, согласившимся с Кэгни, а следом – Кларком Гейблом, заявившим, что он умирает от желания работать с Тоби, и наконец Кэри Грантом, провозгласившим, что у парня блестящий талант. Все звезды Голливуда оказались сейчас в этой комнате, они шутили, смеялись, рассказывали анекдоты. Слова лились непрерывным потоком, и Тоби был в таком отчаянии, что сам не знал, откуда они берутся. Он был подобен человеку, утопающему во мгле безвестности и отчаянно цеплявшемуся за хрупкие соломинки пародий. И это было единственным, что держало его на плаву. Все тело покрыл холодный пот, но Тоби, ни на что не обращая внимания, бегал по комнате, имитируя движения изображаемых им персонажей. Он словно вдруг превратился в маньяка, совершенно не владеющего собой, забывшего, где он и что с ним.

Внезапно в сознание Тоби ворвался голос Элис Теннер:

– Прекратите! Немедленно прекратите! – По лицу женщины от смеха лились слезы. – Хватит! – повторила она, задыхаясь.

Тоби, очнувшись, медленно вернулся к действительности. Миссис Теннер, вынув платок, вытирала глаза.

– Вы… знаете, вы просто сумасшедший.

Тоби молча глядел на нее, охваченный чувством радостного возбуждения:

– Значит, вам понравилось?!

Элис Теннер потрясла головой, глубоко вздохнула, чтобы сдержать хохот:

– Не… не очень!

Внезапная ярость поднялась в душе Тоби. Она смеялась над ним, а не вместе с ним! Какого же дурака он свалял!

– Тогда над чем вы смеетесь?! – выдавил он.

Улыбнувшись, женщина тихо ответила:

– Над вами. Никогда еще не видела такой лихорадочной жестикуляции. Где-то за этими кинозвездами скрывается совсем еще юный, но очень талантливый человек. Вам ни к чему подражать другим артистам. У вас природный дар смешить людей.

Тоби ощутил, как гнев куда-то улетучился.

– Думаю, когда-нибудь вы станете великим актером, если, конечно, готовы много и упорно работать. Согласны?

Тоби одарил Элис ангельской улыбкой и кивнул:

– Давайте засучим рукава и примемся за дело!

Все воскресное утро Жозефина трудилась не разгибая спины – она помогала матери убирать дом. В полдень приехала Сисси с друзьями и пригласила девочку на пикник. Миссис Цински смотрела вслед дочери, которую увозил роскошный лимузин, полный смеющихся детей из богатых кварталов, и подумала, что когда-нибудь с Жозефиной обязательно случится несчастье. Нельзя отпускать ее с этими! Они все отродье дьявола. А вдруг и в Жозефину вселился нечистый?!

Нужно поговорить с преподобным Демьеном. Он знает, что делать!

Глава 9

В театральной школе «Экторз уэст» было всего две группы: «Витрина», состоявшая из более опытных актеров, и «Мастерская», где учились новички. Именно студенты, занимавшиеся в «Витрине», ставили пьесы, на премьеры которых приходили агенты в поисках талантов со всех студий. Тоби зачислили в «Мастерскую». Элис Теннер объяснила ему, что потребуется полгода, а то и больше, пока он будет по-настоящему готов к работе в «Витрине».

Тоби нравились занятия, но недоставало самого важного, без чего невозможно истинное искусство: публики, аплодисментов, смеха, поклонников, радующихся его появлению.

С тех пор как Тоби начал посещать школу, он почти не видел директрису. Иногда Элис Теннер заходила в «Мастерскую» понаблюдать, как студенты разыгрывают этюды или ободрить неудачников. Порой Тоби встречал ее в коридоре. Он поймал себя на том, что все время думает об Элис. В глазах Тоби она была той, кого называют «шикарная дама», обладала прекрасными манерами и собственным стилем, и именно поэтому он чувствовал непреодолимое влечение к этой женщине. Только такая ему и нужна!

Сначала Тоби было неприятно, что она калека, но вскоре он стал испытывать какое-то странное сексуальное возбуждение при одной мысли о ее изуродованной ноге.

Он опять попытался уговорить миссис Теннер дать ему роль в пьесе, которую ставили студенты «Витрины», чтобы критики и представители студий смогли увидеть спектакль.

– Вы еще не готовы, – повторила Элис.

Она стояла у него на пути, мешала добиться успеха! И Тоби решил, что необходимо что-то предпринять.

На премьере пьесы Тоби сел рядом с пухленькой коротышкой Карен, тоже студенткой, характерной актрисой из его группы.

Несколько раз он играл с Карен сцены из спектаклей и знал о девушке две вещи – она никогда не носила нижнего белья, и изо рта у нее дурно пахло.

Карен из себя выходила, только что не за шиворот тащила Тоби в постель, но он притворялся, будто ничего не понимает.

«Иисусе, – думал он, – трахнуть ее – все равно что погрузиться в ванну теплого жира!»

Ожидая, пока поднимется занавес, Карен возбужденно болтала, показывала Тоби критиков лос-анджелесских газет «Таймс» и «Геральд экспресс», «разведчиков», подбирающих талантливых актеров для студий «XX век Фокс», «Метро-Голдвин-Мейер» и «Уорнер бразерс», что окончательно взбесило Тоби. Они пришли сюда, чтобы открыть новые таланты, а он сидит в публике, как чучело!

Юноша почувствовал непреодолимое желание вскочить и исполнить какой-нибудь номер из своего комического репертуара, ошеломить зрителей, показать, что такое истинный талант.

Публике понравилась пьеса, но Тоби был одержим стремлением привлечь внимание людей, от которых зависело будущее, дальнейшая жизнь, исполнение всех грез. Ну что же, если «Экторз уэст» – средство привлечь их внимание, Тоби сделает все и не будет ждать полгода, не вытерпит даже двух месяцев.

На следующее утро Тоби вошел в кабинет Элис Теннер.

– Ну как вам понравилась пьеса? – спросила она.

– Великолепно! Потрясающие актеры!

Он полуунижeнно улыбнулся:

– Теперь вижу, что вы имели в виду, когда говорили, что я еще не готов.

– У них больше опыта, чем у вас, вот и все, но зато вы – личность и обладаете выдающимся талантом. Вы станете великим актером, только наберитесь терпения.

– Не знаю, – вздохнул Тоби. – Может, мне лучше забыть о сцене и снова пойти работать страховым агентом или что-то в этом роде.

Элис вскинула удивленные глаза.

– Вы не должны так говорить!

Тоби покачал головой:

– После того, что я видел вчера?! Не представляю… просто не представляю, смогу ли я когда-нибудь сыграть вот так…

– Ну конечно, сможете, Тоби. Запрещаю вам даже думать об уходе.

В ее голосе наконец прорезались те нотки, которые давно ожидал услышать Тоби. Сейчас перед ним была не преподавательница, наставлявшая студента, а женщина, пытавшаяся утешить, ободрить, позаботиться о мужчине. Трепет удовлетворения прошел по спине Тоби. Он беспомощно пожал плечами.

– Я так одинок в этом городе. Даже поговорить не с кем.

– Вы всегда можете прийти ко мне, Тоби. Я так хочу стать вашим другом, – с чувственной хрипотцой прошептала Элис. Синие глаза юноши взирали на нее, как на чудо.

Элис молча смотрела, как Тоби подошел к двери и повернул ключ в замке. Потом вернулся, упал на колени, зарылся лицом в подол платья Элис и, ощутив ее легкое прикосновение к своим волосам, потихоньку поднял юбку, обнажив жалкое искалеченное бедро, закованное в грубые стальные скобки. Осторожно сняв аппарат, Тоби нежно поцеловал красные следы-вмятины и медленно отстегнул подвязки, не переставая говорить Элис о своей любви, о том, как она ему нужна, покрывая поцелуями ноги, бедра, пока не припал губами к влажной теплой расщелине.

Элис судорожно откинула голову. Тоби подхватил женщину на руки, бросил на диван и, не размыкая объятий, упал на нее. В этот же день он переехал к Элис Теннер.

Только ночью, в постели, Тоби понял, что судьба связала его с несчастной, невыносимо одинокой женщиной, отчаянно нуждавшейся в друге, с которым можно было поговорить, признаться в своих страхах, излить накопившуюся в сердце любовь.

Элис родилась в Бостоне. Отец, богатый промышленник, положил в банк на имя дочери солидную сумму, но не уделял ей никакого внимания. Элис любила театр, хотела стать актрисой, но еще в колледже заболела полиомиелитом, и мечтам девушки пришел конец. Она рассказывала Тоби, что болезнь изменила всю ее жизнь.

Молодой человек, с которым Элис была помолвлена, бросил ее, когда узнал, что невеста останется калекой на всю жизнь. Элис ушла из дому и вышла замуж за психиатра, который через полгода покончил с собой. С тех пор все ее чувства и эмоции были заключены внутри, словно в клетке, не находя выхода. Теперь же произошло извержение вулкана, и огненная лава полилась через край, топя все на своем пути, а когда буря затихла, Элис ощутила, как устала, но одновременно освободилась от тяжкого бремени и обрела спокойствие и душевное равновесие.

Тоби был ненасытен; он брал Элис снова и снова, пока та чуть не обезумела от невероятного экстаза. Он пронзал ее гигантским фаллосом, медленно вращая

бедрами, и ласкал, казалось, все ее тело.

– О, дорогой, – стонала, извиваясь, Элис, – я так тебя люблю! О Боже, какое наслаждение!

Но Тоби очень скоро понял, что во всем, касающемся школы, Элис была тверда как скала. Он умолял дать ему роль в следующей пьесе, познакомить с режиссерами, поговорить с администраторами студии. Все напрасно: Элис невозможно было уговорить.

– Поверь, дорогой, ты только испортишь свою будущую карьеру, если слишком рано возьмешься за большую роль. Запомни: первое впечатление – самое важное. Если не понравишься агентам сразу, больше никто не придет смотреть тебя. Нужно хорошо подготовиться.

И в тот момент, когда неосторожные слова слетели с губ Элис, она стала Врагом. Значит, и эта против него!

Тоби постарался скрыть ярость и даже заставил себя улыбнуться.

– Конечно, ты права. Только сил нет терпеть. Поверь, я хочу добиться успеха не столько ради себя, сколько чтобы ты мной гордилась.

– Правда?! О, Тоби, я так тебя люблю!

– И я тебя люблю, Элис.

Тоби улыбнулся, нежно глядя в глаза женщины, обожавшей его.

Теперь он знал твердо – нужно найти способ перехитрить эту стерву, стоявшую на пути к достижению желанной цели.

Тоби ненавидел ее и наказывал единственно доступным способом – заставлял проделывать в постели такие вещи, о которых не осмелился бы просить последнюю шлюху. Он требовал, чтобы Элис ласкала его пальцами, губами и языком, унижал как мог, вынуждал опускаться все ниже. И каждый раз, когда Элис покорялась, соглашаясь на новую мерзость, Тоби хвалил ее, как хозяин

гладит пса за хорошо усвоенный трюк, и женщина была счастлива, потому что угодила любовнику.

Но чем глубже была грязь, в которой тот топил Элис, тем омерзительнее он себя чувствовал. У него созрел план, возможность осуществления которого представилась раньше, чем можно было предполагать. Элис Теннер объявила, что студенты «Мастерской» к следующей пятнице должны подготовить концерт для старших классов и приглашенных гостей. Каждый участник выступал со своим номером. Тоби готовил монолог и репетировал с утра до вечера.

Наконец настал знаменательный день. Тоби подождал до конца занятий и подошел к Карен, толстушке-актрисе, осыпавшей его знаками внимания, и небрежно спросил:

– Слушай, не можешь сделать мне одолжение?

– Конечно, Тоби, – обрадовалась девушка.

Тоби отступил на шаг, чтобы не ощущать дурного запаха изо рта Карен.

– Хочу разыграть старого приятеля. Позвони секретарю Клифтона Лоренса, представься секретаршей Сэма Голдвина и скажи, что мистер Голдвин просит прийти сегодня на концерт – послушать молодого талантливого комика. В кассе для него оставлен билет.

Карен ошеломленно уставилась на Тоби:

– Господи, да старуха Теннер меня четвертует! Ты же знаешь, посторонних на спектакли «Мастерской» никогда не пускают!

– Поверь, все будет в порядке.

Тоби взял руку девушки, нежно сжал.

– Ты сегодня занята?

Карен, судорожно сглотнув, учащенно задышала:

– Н… нет, не занята… конечно, если ты хочешь пойти куда-нибудь.

– Очень хочу. И не только пойти.

Три часа спустя окончательно потерявшая голову Карен позвонила в офис Клифтона Лоренса.

Большая аудитория была до отказа набита студентами и их гостями, но Тоби не спускал глаз только с одного человека, сидевшего в третьем ряду с краю. Он смертельно боялся, что хитрость не удастся: несомненно, такой человек, как Лоренс, мог легко разгадать жалкую уловку. Но нет, Клифтон пришел. Значит, ничего не подозревал.

В этот момент девушка и юноша играли сцену из «Чайки». Тоби молился про себя, боясь, что Лоренсу быстро наскучит все это и он просто уйдет. Наконец актеры раскланялись и ушли за кулисы: настала очередь Тоби. Рядом внезапно появилась Элис и шепотом пожелала ему удачи, не ведая, что удача находится тут, рядом, в третьем ряду.

Тоби поблагодарил Элис, снова помолился и, распрямив плечи, шагнул на сцену, по-мальчишески улыбаясь зрителям.

– Хэлло! Я Тоби Темпл. Странное имя, правда? По-моему, все родители немного не в себе от появления младенца, а когда мозги набекрень, любая чертовщина в голову полезет. Я как-то спросил у матери, с чего ей взбрело назвать меня Тоби? Она ответила, что, как только взглянула на мою будку, сразу вспомнила, что знакомую дворняжку именно так и звали!

Публика не могла удержаться от смеха, глядя на эту одинокую фигурку и невинное личико с детскими глазами. Шутки, которыми он сыпал, были крайне низкопробными, но, как ни странно, не раздражали взыскательную публику. Он был таким трогательным, что зрителям хотелось защитить его, позаботиться, уберечь от беды, и этот дар любви согревал сердце Тоби, наполняя его почти непереносимым радостным возбуждением.

Он поочередно перевоплощался в известных комиков, актеров, кинозвезд, и в зале все чаще раздавались аплодисменты и восторженный рев. Публика

пришла в восторг, хохот становился все оглушительнее. Тоби уже почти не помнил себя и все больше расходился, но тут какой-то шум привлек его внимание. Он поднял глаза и увидел выходящего из зала Клифтона Лоренса.

Остаток вечера прошел в каком-то тумане.

После концерта к Тоби подошла миссис Теннер.

– Ты был великолепен, дорогой. Я…

Но Тоби не мог заставить себя взглянуть на любовницу, не мог даже думать о том, что кто-то будет смотреть на него и, может быть, смеяться. Единственное, чего он хотел, – остаться наедине с бедой, попытаться справиться с разрывающей душу болью. Все мечты развеяны в один миг, уничтожены беспощадной реальностью. Он упустил свой шанс, не смог поймать удачу. Клифтон Лоренс не пожелал досмотреть выступление Тоби, даже не подождал, пока тот закончит номер. Лоренс умел распознавать талантливых людей, профессионалов, среди его клиентов были самые блестящие актеры. И если посчитал, что не стоит иметь дело с людьми, подобными Тоби, то… Тоби почувствовал, как внутренности скрутило тошнотой.

– Пойду пройдусь, – выдавил он, не глядя на Элис.

Он брел по Вайн-стрит и Гауэр-стрит, мимо зданий самых известных американских киностудий: «Коламбия пикчерз», «РКО», «Парамаунт». Все ворота были наглухо закрыты. Потом Тоби свернул на Голливудский бульвар и, подняв глаза, увидел на холме огромную, словно издевательски подмигивающую вывеску: «Голливудлэнд» – «Страна Голливуд». Не существовало такой страны, было только бредовое состояние ума, идиотская нелепая мечта, втягивающая сотни в общем-то нормальных людей в водоворот безумных попыток стать кинозвездами, добиться мировой славы. Само слово «Голливуд» стало магнитом, символом волшебной земли, где чудеса становятся явью, ловушкой, соблазнявшей несчастных несбыточными обещаниями, песней сирены об исполнившихся надеждах, и затем безжалостно их уничтожавшей.

Всю эту долгую ночь бродил Тоби по улицам, пытаясь решить, что же теперь делать и как жить дальше. Вера в себя была теперь необратимо разрушена, он считал себя бездарным и ни к чему не пригодным. Всю свою жизнь Тоби

стремился только к одному – стать актером, развлекать людей, доставлять им радость, и вот теперь надежды развеялись как дым – осталась только унылая скучная жизнь, тупая бессмысленная работа, клетка, в которой он обречен просидеть до конца дней своих. Ничтожество, никому не известное ничтожество. Ни один человек не будет знать о его существовании. Тоби подумал о бесконечной череде серых дней, прожитых в горьком одиночестве, десятках безликих, безымянных городов, людях, аплодировавших ему, смеявшихся над ним и вместе с ним, любивших и презиравших его. И зарыдал, оплакивая прошлое и будущее. А еще – собственную смерть, потому что в этот вечер он умер.

На рассвете Тоби возвратился в белое, чистенько оштукатуренное бунгало, в котором жил вместе с Элис, вошел в спальню и остановился у постели, глядя на спящую женщину. Он надеялся, что она станет волшебным ключом, открывающим дверь в королевство грез. Значит, все зря. Нужно уходить. Но куда? Тоби не знал. Ему было уже почти двадцать семь, а будущее? Все кончено. Все.

Совершенно обессиленный, Тоби повалился на диван и закрыл глаза, прислушиваясь к звукам пробуждающегося города. Утренние шумы во всех городах одинаковы, и он вспомнил о Детройте. Мама. Вот она, стоит на кухне, месит тесто для яблочного пирога, и Тоби почти ощущал восхитительно мускусный женский запах, смешанный с ароматом тушившихся в масле яблок, и слышал ее слова: «Господь хочет, чтобы ты стал великим человеком».

И Тоби вдруг словно оказался один на огромной сцене; прожекторы слепили глаза, но он забыл свою роль, а слова не шли с языка. Тоби в ужасе озирался. Послышался оглушительный грохот – это зрители вставали с мест и бежали к Тоби, чтобы напасть на него, убить, уничтожить. Их любовь превратилась в ненависть. Люди окружили его, пытаясь схватить, и скандировали:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

От англ. Very Important Person. – Примеч. ред.

2

Член муниципалитета. – Примеч. ред.

3

Азартные игры. – Примеч. пер.

Купить: https://tellnovel.com/sidni-sheldon/neznakomec-v-zerkale

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити